Суббота 4 мая, (21 апрѣля) 1918 г. Цѣна номера въ Москвѣ 30 к. № 10.

ЖИЗНЬ

Газета политическая, литературная и общественная.

НАШИ УСТРЕМЛЕНІЯ:

Послѣдовательное, до конца идущее раскрѣпощеніе человѣка.

Защита культурныхъ цѣнностей общечеловѣческаго значенія.

Изысканіе новыхъ организаціонныхъ плановъ въ цѣляхъ экономическаго возрожденія страны.

Проповѣдь свободнаго и радостнаго творчества.

ВЪ ГАЗЕТѢ УЧАСТВУЮТЪ:

Ю. И. Айхенвальдъ, Алонзо, Сергѣй Ауслендеръ, А. Ахматова, Ю. Балтрушайтисъ, А. І. Башинскій, Б. С. Бодкарскій, К. Большаковъ, А. А. Боровой, Юрій Бочаровъ, Александръ Блокъ, Георгъ Брандесъ, И. И. Бронштейнъ, Валерій Брюсовъ, Андрей Бѣлый, К. Н. Венцель, Максимиліанъ Волошинъ, Владиміръ Волькенштейнъ, И. И. Горбуновъ-Посадовъ, Б. О. Горнунгъ, Вл. Гронскій, Н. Гумилевъ, С. Г. Займовскій, Вѣра Инберъ, К. В. Кандауровъ, С. Г. Кара-Мурза, Л. Э. Конюсъ, Л. Копылова, М. Крандіевская, Н. А. Кригская, Н. Р. Кугель, М. Кузьминъ, Н. Лаврскій, Н. К. Лебедевъ, Б. Л. Лопатинскій, В. В. Максаковъ, С. Л. Мильнеръ, Я. И. Новомірскій, П. С. Оленинъ, Виссаріонъ Павловъ, Н. В. Петровъ, В. И. Пичета, П. Пировъ, М. Пришвинъ, Н. И. Проферансовъ, Алексѣй Ремизовъ, І. Рощинъ, Н. Н. Русовъ, Ник. Рыковскій, В. И. Рындзюнъ, Леонидъ Сабанѣевъ, Г. Б. Сандомірскій, Ѳедоръ Сологубъ, Юрій Соболевъ, гр. [illegible] Н. Толстой, А. К. Топорковъ, В. Ф. Тотоміанцъ, И. М. Трегубовъ, А. Тришатовъ, М. И. Туганъ-Барановскій, Р. Э. Фриденбергъ, Владиславъ Ходасевичъ, А. П. Шпалянскій, Ѳ. Б. Якуловъ.

СОБСТВЕННЫЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ

И. Благовѣщенскій (Иркутскъ), А. Бодровъ (Кавказъ), Г. [illegible] (Варшава), Г. [illegible] (Западная Сибирь), П. Митровичъ (Украина), М. [illegible] (Дальній Востокъ), В. Скуратова (Крымъ).

ЗА ГРАНИЦЕЙ: О. Львовъ (Парижъ), Д. Посольцевъ (Копенгагенъ), М. Перухинъ (Римъ), Генри Блокъ (Нью-Іоркъ).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на 1 м.—6 р., 2 м.—11 р., 3 м.—16 р.

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ:

на 4 стр.—2 руб. за строку петита.

Пріемъ въ редакціи ежедневно отъ 4 ч. до 5 ч. веч.

ТЕЛЕФОНЫ:

РЕДАКЦІИ: 46-77, 1-91-28, 1-31-17 и 1-75-48.
КОНТОРЫ: 5-67-36, 27-96 и 46-12.
НОЧНЫЕ: 5-02-97.

МОСКВА, Бол. Дмитровка, 26.

СЕГОДНЯ ВЪ „ЖИЗНИ“.

СТИХИ: Анна Ахматова.—„Я окошка не завѣсила“. Ю. Балтрушайтисъ.—„Даяніе Голгоѳы“. Александръ Блокъ.—„Весна“. Юрій Бочаровъ.—„Террористъ“. Н. Гумилевъ.—„Много есть людей, что полюбивъ“... Любовь Копылова.—„Не учила меня ни мать родная, ни крестная“. Викторъ Патинъ.—„Газэла“. Владиславъ Ходасевичъ.—„На Пасхѣ“. Филаретъ Черновъ.—„Что же?!“

СТАТЬИ И РАЗСКАЗЫ: Сергѣй Ауслендеръ.—„Весенніе соблазны“. Алексѣй Боровой.—„Карлъ Марксъ“. Андрей Бѣлый.—„Вѣрное знаніе“. Мих. Денисовъ.—„Завоеванія“. Н. Никандровъ.—„Вожди и народъ“. Мих. Пришвинъ.—„Въ телячьемъ вагонѣ“. Алексѣй Ремизовъ.—„Святцы стараго дьякона Василія“. Н. Н. Русовъ.—„Любовь Аполлона Григорьева“. Владиміръ Рындзюнъ.—„Рожденіе Идеала“. Ѳедоръ Сологубъ.—„Страстная канитель“. А. Тришатовъ.—„Кафэ Двухъ Полушарій“.

Въ Выборгѣ взятъ въ плѣнъ Маннеръ. — Рада подъ угрозой отставки требуетъ отъ германскаго правительства отозванія ген. Эйхгорна. — Финляндія захватила семь русскихъ госпитальныхъ судовъ. — На курскомъ фронтѣ объявлено десятидневное перемиріе. — Въ іюнѣ будетъ разсмотрѣно дѣло Керенскаго. — Австро-венгерскимъ посломъ въ Россію предполагается назначить гр. Чернина.

Ген. Эйхгорнъ принимаетъ крутыя мѣры къ охранѣ порядка въ Кіевѣ. Министръ земледѣлія призываетъ не исполнять приказа ген. Эйхгорна о посѣвахъ. По свѣдѣніямъ германскихъ газетъ, прежнее украинское правительство низвергнуто, новое признало брестскій договоръ. — Гр. Мирбахъ войдетъ въ переговоры о признаніи совѣтскимъ правительствомъ Польскаго королевства.

Въ этомъ номерѣ шесть страницъ.

ОФФИЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

ПРАВИЛА ВЪѢЗДА ВЪ МОСКВУ.

Въ дополненіе къ обязательному постановленію совѣта народныхъ комиссаровъ московской области отъ 5-го апрѣля с. г., о порядкѣ выдачи разрѣшеній на въѣздъ въ гор. Москву, совѣтъ народныхъ комиссаровъ московской области постановляетъ:

1) Въ интересахъ московскаго и, особенности, рабочаго населенія установить зону пригороднаго жел.-дор. движенія, свободную отъ всякихъ ограниченій въѣзда и выѣзда.

2) Зона означеннаго движенія опредѣляется слѣдующими жел.-дор. пунктами: Казанская—[illegible]—42 [illegible]—40 в., [illegible]—51 вер., [illegible]-Уральская—Барыбино—53 вер., Сѣверная—Софрино—42 вер., Савеловская—Дмитровъ—60 вер., Винд.-Рыбинская—Нов.-Іерусалимъ — 57 [illegible], Николаевская—Подсолнечное — [illegible] вер., К.-Воронежская—Нара — 66 [illegible], Александровская—Кубинка—60 [illegible].

3) Въѣздъ въ Москву безъ особыхъ разрѣшеній для всѣхъ ѣдущихъ изъ мѣстъ, находящихся внѣ зоны пригороднаго движенія, запрещается. Послѣдними пунктами свободнаго передвиженія изъ провинціи въ Москву являются: Казанская—Фаустово — [illegible] вер., М.-Курская—Серпуховъ—93 [illegible], М.-Нижегородская—Орѣхово — [illegible] вер., Ряз.-Уральская—Жилево — [illegible], Сѣверная—Сергіево—66 вер., [illegible] вер., [illegible]—83 в., [illegible]—Малоярославецъ — [illegible] вер., Александровская — Можайскъ—103 вер.

4) Въ зону, опредѣляемую станціями, указанными въ предыдущемъ параграфѣ, а равно въ зону пригороднаго движенія, въѣздъ изъ провинціи допускается въ порядкѣ, установленномъ для въѣзда въ гор. Москву.

5) Посадка на поѣзда, идущіе по направленію къ Москвѣ, во всѣхъ пунктахъ запрещенной зоны (вокругъ [illegible] зоны), разрѣшается лишь лицамъ, имѣющимъ право на въѣздъ въ Москву.

6) На главное управленіе всероссійской чрезвычайной междувѣдомственной комиссіи по охранѣ дорогъ возлагается наблюденіе за неукоснительнымъ соблюденіемъ всѣхъ этихъ правилъ. Въ помощь комиссіи въ этой [illegible] комиссія по эвакуаціи г. Москвы делегируетъ своего представителя.

Секретарь А. Тешкина.

ВЕСНА.

I.

Міръ въ огнѣ! Снѣга, ручьи,
Солнце, пѣсни, звѣзды, птицы,
Смутныхъ мыслей вереницы,—
Всѣ подвластны, всѣ Твои!

Намъ не страшенъ вѣчный плѣнъ,
Незамѣтна узость стѣнъ,
И отъ грани и до грани
Намъ довольно содроганій,
Намъ довольно перемѣнъ!

Возлюбить, возненавидѣть
Мірозданья скрытый смыслъ,
Четъ и нечетъ мертвыхъ числъ,
И вверху—Тебя увидѣть!

II.

Тяжко намъ было подъ вьюгами
Зиму холодную спать...
Землю промерзлую плугами
Не было мочи поднять!

Ранними лѣтними росами
Выйдемъ мы въ поле гулять...
Будемъ звенящими косами
Сочныя травы срѣзать!

Настежь ворота тяжелыя!
Вѣтеръ душистый въ окно!
Пѣсни такія веселыя
Мы не пѣвали давно!

Александръ Блокъ.

* *

Я окошка не завѣсила,
Прямо въ горницу гляди.
Оттого мнѣ нынче весело,
Что не можешь ты уйти.

Называй же беззаконницей,
Надо мной глумись со зла,..
Я была твоей безсонницей,
Я тоской твоей была.

Анна Ахматова.

Вчера, 3 мая, вслѣдствіе порчи электрическихъ проводовъ въ типографіи и остановки ротаціонныхъ машинъ очередной номеръ „Жизни" не могъ быть отпечатанъ въ достаточномъ количествѣ экземпляровъ.

КАРЛЪ МАРКСЪ.

(Къ столѣтію со дня рожденія).

Въ эти весеннія радостные дни нѣтъ болѣе намагниченнаго имени.

Величайшій соціальный переворотъ, міровая катастрофа—идутъ подъ знакомъ Маркса.

Для человѣческаго имени перейдены всѣ грани. Марксъ—не только уже «властитель думъ», именемъ его рѣшаются судьбы народа и, можетъ быть, судьбы народовъ. Фанатики, почитатели, послѣдователи, союзники, критики, враги—вся возможная человѣческая скала отношеній къ великому мыслителю, вождю,—всѣ одинаково зовутъ авторитетъ его для укрѣпленія противоположныхъ утвержденій.

Великій человѣкъ канонизированъ. Имя, дѣло, авторитетъ его—окружены и окружаются легендой.

Уже не о монументѣ или монументахъ можетъ итти рѣчь. Это—мелочи, недостойныя увѣковѣчить память К. Маркса. Рѣчь идетъ о цѣлой эрѣ, эрѣ, подобной христіанской...

Привѣтствуемъ легенду, пока мы опьянены творческимъ порывомъ, привѣтствуемъ установленіе духовнаго родства съ тѣмъ, что подлинно велико, вспомнимъ благодарно Маркса—геніальнаго соціолога, геніальнаго экономиста, геніальнаго вождя пролетаріата.

Но болѣе всего, прежде всего,—титаническаго, «религіознаго» до послѣднихъ фибръ души, убѣжденнаго въ истинности, въ единственности своего дѣла, своей правды, пламеннаго, готоваго и умѣвшаго ненавидѣть до конца, все подчиняющаго своей мечтѣ и своему расчету, остававшагося «большимъ» даже въ дѣлахъ «малыхъ» и «дурныхъ»—творца.

Но мы, одушевленные анархическимъ міропониманіемъ, враждебны основнымъ истокамъ мыслей Маркса.

Все то, что въ міровоззрѣніи его квалифицируется, какъ «реализмъ», какъ отрывъ отъ затхлости доктринъ и самопогруженіе въ стихіи жизненности, вся эта вѣра въ неограниченное, тріумфальное, автоматическое «шествіе производительныхъ силъ», опредѣлявшихъ и опредѣляющихъ человѣческую волю и, въ конечномъ счетѣ, подмѣняющихъ ее, весь этотъ «экономическій матеріализмъ», для насъ—не «реализмъ», а «дурная» метафизика, религіозный догматъ, недоказанная и недоказуемая телеологія и... прежде всего, пренебреженіе той единственной «реальностью», которая строитъ міръ и для которой только и строится весь міръ—человѣкомъ-личностью.

И потому марксовъ «реализмъ»—реализмъ безъ «реальности», вѣрнѣе, отвлеченный, «разумный», «научный», раціоналистическій догматизмъ, съ которымъ насъ вѣчно примирить не можетъ.

Ибо намъ основной пафосъ—жизнь, воля творца; а всякая «метафизика» или «религія» производительныхъ силъ не можетъ для насъ ни заслонить въ жизни, ни вытолкнуть изъ жизни человѣка.

То, что въ литературѣ и кругахъ марксистовъ, извѣстно подъ именемъ «кризиса марксизма»—развѣ наша революція не есть крушеніе марксистскихъ схемъ? Крушеніе марксовой теоріи прогресса?—вышло именно изъ этого основного раскола, изъ основной трагедіи марксовой души.

Какъ въ каждомъ великомъ, въ немъ такъ же жили двѣ души.

И потому у Маркса и подлинныхъ его истолкователей (большевики, въ частности, никогда не были марксистами), съ одной стороны: религіозный пафосъ, вѣра безъ критики въ соціализмъ, вѣра въ его чудо, вѣра въ пролетаріатъ, вѣра въ его провиденціальную роль и вѣра въ творческую, хотя бы и диктаторскую личность, вѣра въ творческомъ экстазѣ найти разрѣшеніе всѣхъ міровыхъ загадокъ, дать отвѣтъ на всѣ проклятые вопросы, безграничный идеализмъ, смѣющійся надъ ихъ же вынужденно наивнымъ, не-критическимъ матеріализмомъ, утвержденіе волюнтаризма въ самой дерзкой и неограниченной формѣ, неограниченная страстная любовь—своихъ идей, жены, дѣтей, друзей...

Съ другой: геніальный эрудитъ, громоздящій горы учености и ученой виртуозности («Капиталъ» и особенно «Teorien über den Mehrwerth»), чтобы сковать полетъ человѣческой воли въ рамкахъ желѣзныхъ закономѣрностей, закономѣрностей, въ которыхъ почти фантастическимъ образомъ, чудеснымъ, великимъ напряженіемъ логики и чувства—сплетены наука и утопія, метафизика и мораль, «реализмъ» именно въ марксовомъ смыслѣ, апеллирующій къ жизни, наполовину придуманный его синтетическимъ геніемъ, политиканъ, злобившійся и ненавидѣвшій, любившій иногда грубые и грязные удары (Бакунинъ, Герценъ, Прудонъ, Бауеръ), диктаторъ, приковывавшій людей идеями и отталкивавшій своимъ личнымъ намѣренно грубымъ, намѣренно-оскорбательнымъ обращеніемъ, сумѣвшій этотъ тонъ привить и всѣмъ фанатикамъ марксизма (полемическіе комки грязи Энгельса по адресу Родбертуса, Вольфа, Лоріа, Ленина, Плеханова, по адресу всѣхъ инакомыслящихъ и пр., и пр.).

Вотъ—Марксъ! Безмѣрно близкая и безмѣрно чуждая душа.

Но мы принимаемъ все живое, органическое. Мы не разсѣкаемъ, не мѣряемъ числомъ и [illegible], а привѣтствуемъ великое, чудесное произведеніе жизни.

А таковымъ мы считаемъ Маркса. Несмотря ни на что, несмотря на все для насъ «дурное» въ немъ, несмотря на нашу борьбу съ нимъ.

Марксу суждено безсмертіе.

Алексѣй Боровой.

РОЖДЕНІЕ ИДЕАЛА.

(Отрывки цѣлаго).

1

Серафимъ саровскій—«послѣдній» русскій «святой». Послѣдній не потому, что съ нимъ кончился подвигъ аскезы или изсякъ родникъ томленія по иному граду. Неужели же за это столѣтіе не было ни одного великаго подвижника въ пустыняхъ и скитахъ? Конечно, были, конечно, они есть и сейчасъ. И все же Серафимъ—послѣдній святой. Дѣло, очевидно, не въ подвижникахъ, а въ насъ самихъ что-то совершилось—паденіе одного міра или рожденіе иного—послѣ чего самое понятіе святости въ корнѣ измѣнилось. Что-то оборвалось въ душѣ, раскрылись ночные провалы, и мы остались «былинками на краю обрыва». Въ какую сторону подуетъ,—въ ту и понесетъ...

Цѣльность, законченность, миръ съ самимъ собой, твердая вѣра или полное невѣріе, нигилизмъ религіи и религія нигилизма,—все это было и все это кончилось, смѣшалось, сцѣпилось обрывками, родило хаосъ катастрофическаго сознанія.

Утрачена вѣра въ воскресеніе, поколеблена въ своихъ устояхъ,—значитъ, вся жизнь должна пойти по иному,и уже ничего—ни уму ни сердцу—не скажетъ описаніе подвиговъ пустынножителя. Въ лучшемъ случаѣ оно соблазнитъ эстета; эстетъ же его доконаетъ, заразивъ гнилостью цвѣтущаго болота. Здѣсь корни религіознаго эстетизма, здѣсь опасность срыва для «искусства, какъ религіи». Опытные пройдутъ, новички свалятся.

2.

Нѣтъ, эстетизмъ—ни явный, ни скрытый—намъ не поможетъ. Всѣ пути въ немъ перемѣрены. Онъ—обреченный. Свойство это дѣлаетъ его особенно привлекательнымъ для тлѣющихъ безъ огня, для «тихо-тоскующихъ», для застѣнчиво-дерзкихъ и требовательно-робкихъ. Онъ незамѣнимъ, какъ улитка, убѣжище, художественный скитъ, но имъ можно только или начинать или кончать.

Нѣтъ, не эстетизму суждено стать осью жизни, рожденной подъ обвалами.

«Здравый смыслъ», разумнѣйшій, моральнѣйшій, умѣреннѣйшій? Едва ли и съ нимъ что-нибудь можно будетъ сдѣлать. Оттого ли, что онъ ослабѣлъ въ вѣковыхъ парламентарскихъ и «правосознательныхъ» наслажденіяхъ, отъ того ли, что ему, находящемуся въ черепѣ ветхаго Кроноса, трудно посоперничать съ исторіей,—всѣхъ причинъ не перечислишь, но одно несомнѣнно: за исключеніемъ немногихъ «блестящихъ юристовъ» и убѣжденныхъ «государственниковъ» никто не испытываетъ особеннаго влеченія къ коронованію «здраваго смысла».

Вѣдь, послѣдніе 4 года мы только и видѣли, что жили по рецептамъ «здраваго смысла», «холоднаго расчета». Здравый смыслъ насъ удержалъ въ окопахъ, сырыхъ, грязныхъ, зловонныхъ; здравый смыслъ насъ убѣждалъ: сразу будетъ рай, если уложимъ милліонъ—другой нѣмцевъ; здравый смыслъ зловѣще шепталъ: государство задохнется, если ему не дать выходъ въ южныя моря. Слушались, слушались безъ конца, и сотни тысячъ русскихъ людей задыхались въ газовыхъ атакахъ, чтобы не задохлось государство. Здравый смыслъ гремѣлъ обличительными рѣчами: развитое «правосознаніе» и чувство государственности требуютъ принесенія всѣхъ личныхъ интересовъ на «алтарь отечества»; всѣ нежелающіе это сдѣлать должны быть жестоко покараны...

Говорили о «жизненныхъ интересахъ», «конкретныхъ требованіяхъ жизни» и т. п., а къ намъ шла смерть, смерть, смерть.

И теперь, почти корчась въ предсмертныхъ судорогахъ, почти задыхаясь подъ руинами свалившагося государства, мы шлемъ проклятіе Здравому Смыслу. Мы больше не хотимъ быть умными и «разумно существовать»... Мы предпочитаемъ быть глупыми, но мудро жить. Мудро—т.-е. не для фикцій, идоловъ и фетишей; не для развитія правосознанія, не для прихода къ идеальному государству. Мудро—значитъ для себя, для развитія собственной мудрости, для прихода къ идеальному себѣ и тѣмъ, кто рядомъ.

Миръ твоему духу, испепеленный Штирнеръ!

3.

Нынѣ скажемъ прямо: Серафимъ—«послѣдній святой», потому что завершенъ первый «эонъ» бытія, превзойденъ періодъ пассивизма—глубиннаго созерцанія и священнаго изумленія.

Почти 19 вѣковъ христіанства понадобились для наученія, подготовки, сборовъ. Они ушли въ вѣчность, а съ ними ими созданный идеалъ пассивной святости, горѣнія духа въ уединеніи.

Мы тѣ, на чью долю выпало искусительное счастье увидѣть, какъ прежнее солнце сгорѣло и кануло въ раскаленный океанъ, какъ ночь легла душной массой на земли и сердца, какъ новымъ солнцемъ заалѣло надъ горами.

Новый эонъ будетъ отданъ свободному активизму. И въ немъ долженъ быть созданъ новый идеалъ—творца, отлитаго изъ сплава прежнихъ рудъ и шлака, строителя свободнаго человѣчества.

Мыслью о новомъ идеалѣ, о новомъ эонѣ на протяженіи столѣтія горѣли люди различныхъ поколѣній, различныхъ толковъ, различныхъ складовъ мышленія. Вѣщія предчувствія, даже, окрыляли Чаадаева и Лермонтова, Печорина и Достоевскаго, Штирнера и Ницше, Мережковскаго и Бѣлаго. Расходились, блуждали, спорили; говорили о разномъ, думали, мечтали объ одномъ—о новомъ прометеевомъ дѣйствіи.

Оно грядетъ; будемъ ждать его и пока въ страстномъ ожиданіи исполнимъ пророческій завѣтъ—

Затеплѣвшій алмазомъ брезжа
Въ перегорѣвшихъ угляхъ ты...

Владимиръ Рындзюнъ.

ВѢРНОЕ ЗНАНІЕ.

1.

таніе—бракъ „я" и міра. „И позналъ жену"...—говорится намъ въ Библіи.

Знаніе есть сліяніе съ узнаваемымъ.

Знаніе цвѣтка обнимаетъ знаніе его функцій, тычинокъ и имя, произносимое на звучной латыни; кромѣ того: предполагаетъ умѣніе переживать себя въ немъ.

Полевую лилію знать — значитъ стать полевою лиліей въ полѣ; видѣть солнце, какъ... лилія.

Узнать лилію въ спиртовомъ препаратѣ,—это значитъ: прійти къ убѣжденію, что она—пахнетъ спиртомъ.

Всякое абстрактное знаніе насъ ведетъ къ суррогату: къ лиліи... на бумагѣ къ рисунку; и—къ схемѣ. Такой лиліи (схематически нарисованной лиліи)—нѣтъ: ее надо доказывать.

Доказательство вѣчнаго бытія—суррогатъ бытія; аппеляція къ радости есть признаніе: радость—искомая величина въ наши дни; умеръ „Богъ" въ сердцѣ и чемъ — религіозная философія возникаетъ: трескъ словъ и словесная молотьба по соломѣ не есть еще религіозная жизнь, а всего: религіозно-философское общество. Въ этихъ обществахъ засѣдали года; и высидѣли: религіозный призывъ къ сатанической бойнѣ народовъ.

2.

Пусть на полюсѣ пальма—мечта: она есть въ жаркихъ странахъ; полюсъ вѣдаетъ ледъ; для него все иное — фантазія; но и вѣра въ фантазію, въ пальму—покоится на возможности наблюденія пальмы въ Египтѣ.

Отношеніе знаній и вѣръ — отношеніе египтянъ къ эскимосамъ; на экваторѣ снѣгъ миѳиченъ; грозовая туча—миѳъ полюса; предметъ знаній и вѣръ перемѣнчивъ; географія сознанія нашего, она—неизмѣнна.

И абстрактна граница межъ вѣрой и знаніемъ; безъ опыта невозможно ни то, ни другое.

Вѣра въ знаніи—есть; и есть знаніе вѣры: дѣла вѣры въ опытахъ; мертва вѣра безъ дѣлъ; мертвознанье безъ опыта.

Принципъ нуженъ для опыта: ...

смѣемся насмѣшливо: „Гдѣ же духъ живое знаніе.. въ колбѣ?"

Остаются намъ знанія невѣрны; остаются и знаемы вѣры.

Мы хотимъ умныхъ вѣръ, хотимъ вѣрное знаніе.

3.

Анатомическій взглядъ на жизнь перерѣзалъ намъ цѣлостность жизненныхъ проявленій дѣйствительности; мы не видимъ ихъ въ организмѣ; мы видимъ лишь части; но части живой человѣчности (рука, нога, глава, сердце, печень), разъятыя и взятыя порознь—не человѣчны; мертвы.

Бытіе распласталось предъ нами многообразіемъ научныхъ проявленій; и—континентами методовъ; бытіе стало... логикой въ очень умныхъ системахъ воззрѣній на жизнь.

И мы—пригнаны къ полюсу, гдѣ торжественно мы стоимъ, облеченные въ ледяной футляръ логической формы. Человѣкъ шелъ и... сталъ: человѣкомъ въ футлярѣ; зажилъ онъ въ отложеніяхъ: въ формахъ, въ футлярахъ, въ каркасахъ.

Внѣ насъ—отвердѣнѣлыя и разъятыя части дѣйствительности; какъ таковыя мертвы онѣ; мертвы люди вокругъ насъ, потому что матерія—ледъ кипѣнія духа; въ насъ—мертвые, формальные догматы.

Такъ мы зажили—въ трупахъ трупы: и сколько такъ прожили мы десятилѣтій, столѣтій? Когда же мы сдвинулись съ мѣста, мы двинулись... къ пушкамъ: коросты оказались на насъ разбиваемыми только пушкой.

Но съ коростомъ отбиваема наша жизнь; коросты мы сдираемъ съ души вмѣстѣ съ костями и мускулами; эти мускулы, не пронизанные кровеносной системою жизни, точащіе кровь,—есть матерія, „мясо"; (дѣйствительность есть мясная лавка); а кости суть догматы, выставленные и разъятые въ великолѣпныхъ музеяхъ отжившихъ культуръ; отношеніе къ намъ—отношеніе къ анатомическому театру; такъ: между мясной лавкою матеріальнаго потребленья культуры и анатомическимъ музеемъ идеологіи проводили мы жизнь, отождествляя себя съ той мясною, капиталистической жизнью и костнымъ альтруизмомъ въ стре...

благополучно сидѣли въ уютныхъ квадратахъ квартиръ, и—квадратами думали по серединѣ кубической, стереометрической жизни, созерцая кубы домовъ угасающимъ зрѣніемъ крыловской мартышки и обложившись десяткомъ очковъ, въ которыя мы вовсе не смотрѣли; а которыя—нюхали.

4.

Полнокровное знанье—въ сліяніи міра и мысли; то есть: въ связи предметовъ узнанія съ процессомъ узнанія; но эта связь: въ состояньѣ сознанія нашего.

Перестали вставать міровыя образованія въ немъ; міръ оставшій—продуктъ, выпадающій изъ кипѣнія творческой жизни; какъ таковой, онъ—лишь прошлое наше; въ настоящемъ своемъ. Онъ—въ кипящемъ сознаніи нашемъ, могущемъ насквозь проницать его части. Еслибы мы работали надъ сознаніемъ нашимъ, сумѣли бы мы границы его безпредѣльно расширить, и не міръ ограничивалъ насъ бы, а мы ему ставили грани, чтобы онъ не прорывался въ свободу кипящихъ твореній сознанія нашего; міръ, извнѣ нападающій, есть оторванный органъ огромнаго организма (сознанія); какъ таковой онъ есть трупъ, или—камень, упавшій на насъ, и—разбившій намъ голову.

Перестали мірами мы мыслить; міры обезмыслились; обезмыслилось—все.

Многообразіе діалектическихъ сочетаній безсильно распалось на мертвыя части: на методы; методы фанатически заострились на насъ; въ догматическихъ шорахъ мы ходимъ.

Легконогая діалектика—танецъ догматики — обернулась въ мозгу у насъ суетливо-мышиной грызней; переживаніемъ неврастеника.

Такъ червивыми ходами источили намъ мозгъ мысли наши.

Между тѣмъ діалектика есть прорастаніе изъ зерна вѣтромъ зыблемыхъ колосьевъ изъ мысли; и—созрѣваніе въ колосѣ новыхъ зеренъ: творимыхъ дѣйствительностей.

Изсякновенія смысла жизни въ ней нѣтъ: быть не можетъ; изсякновеніе смысла жизни въ ней значитъ одно; изсякновеніе ритмовъ ...

Святцы стараго дьякона Василія.

1.

Дьяконъ Василій Яковлевичъ былъ родоначальникъ фамиліи Звѣздкиныхъ—до него міръ не существовалъ.

Дьяконъ былъ настоящій кондовый русакъ.

Отслуживъ службу и надѣвъ зипунъ, съ топоромъ въ одной рукѣ и съ ружьемъ въ другой, уходилъ дьяконъ въ глухія лѣсныя дебри и болота, окружающія село Пахтаново, ставилъ силки, охотился за мелкой дичью и, подобно Исаву, «обремененный добычей», возвращался съ лова.

Малъ былъ доходъ дьякона отъ поповки, но дьяконъ былъ мужъ доблій и дѣятельный. Кромѣ домоустроенія, дьяконъ создалъ своими руками, съ помощью топора и ножа, самодѣльные стѣнные часы съ гирями и такимъ звѣрскимъ боемъ, что какъ бывало забьетъ полночь, всѣ собаки по селу встрепенутся и лай подымутъ ужасный, какъ на самаго страшнаго звѣря.

Пахтановскіе воры и разбойники на эти самые часы сколько зарились, да подступиться къ дьякону не было никакой возможности.

Накрѣпко заказалъ дьяконъ своимъ потомкамъ: и пяди не отходить отъ дому безъ топора,—о чемъ мнѣ самому довелось слышать отъ сына его Петра Васильевича, протопопа села Середы Уликой.

Съ отцомъ Петромъ породнился знаменитый старецъ дебренскій Іоаннъ (Рязановскій), появшій дщерь его, внучку стараго дьякона, Александру Петровну Звѣздкину, и нынѣ цвѣтущую здравіемъ и благодушіемъ въ Комаровкѣ Золотоношской въ №-ѣ 15-мъ.

Разбирая послѣ покойнаго протопопа бумаги вмѣстѣ со свояком дебренскаго старца Іоанна Дмитріемъ Ивановичемъ Лебедевымъ, который безжалостно металъ въ печь вещи нужныя и ненужныя, и, замѣтивъ, что ввергаетъ попъ въ огонь нѣкую малую осьмушку, я удержалъ его волосатую руку.

И оказалось, что воздѣйствіе мое было не напрасно.

Крупно грубо исписанная книжка, желтоватая, какъ тульскій пряникъ, съ орденскимъ чернымъ крестомъ въ двухъ кругахъ и съ красной сургучной печатью «П. З.»—

«Сии святцы и молитвы принадлежать села Пахтанова старому Діакону Василью Яковлеву Звѣскину 1850 года Сентября 1 дня. Аминь»

2.

Пряникъ стараго дьякона увѣсистый—80-ть листовъ. Въ немъ все: и для души, и для ума, и для дома. Основа—святцы: «1812 года месяца сентября 1 д.». Святцы на всѣ дни: съ сентября—начала новаго лета» по сентябрь—«ключь и конецъ святцамъ» (л. 9 об.—л. 54). А койма молитвы: истинныя (каноническія и ложныя (отреченныя).

Дьяконъ начинаетъ по-правильному, слово въ слово выписывая молитвы изъ канонника:

«Ангелъ предстатель съ небеси посланъ...» (Икосъ 1 акаѳ. Пресв. Богородицѣ, л. 1 об.).

«О, пресладкій и всещедрый Іисусе...» (Кондакъ 13 акаѳ. Іисусу сладчайшему, л. 2).

«Ангеловъ Творче и Господи силъ...» (Икосъ 1 акаѳ. Іисусу сладчайшему, л. 2 об.).

«Святой Ангеле, предстояй окаянной моей души...» (9-ая утренняя молитва Ангелу хранителю, л. 3 об.).

«Ангелъ Христовъ святый, къ тебѣ припадая, молюся...» (Заключит. молитва канона Ангелу хранителю, л. 64).

«О, пресвятая Госпоже, Владычице Богородице...» (Заключит. молитва акаѳ. Пресв. Богородицѣ, л. 6).

«Моленіе мое прими убогое и плача моего не презри...» (л. 7 об.).

«Судіи сѣдящу, и ангеломъ стоящимъ...» (Сѣдаленъ гласъ 5 на утрени по 1 каѳисмѣ, л. 8).

«Малъ бехъ въ братіи моей...» (Псаломъ греческій на единоборство съ Голіаѳомъ, л. 8 об.).

«Преблаги Господи...» («Молитва къ началу», л. 54 об.).

«Благодаримъ Тебѣ, Создателю...» («После работы», л. 55).

«Начи занять быхъ окаянный умомъ...» (1-ая молитва отъ оскверненія Василія Великаго, л. 59).

Къ этимъ молитвамъ присоединяетъ дьяконъ и нѣкую науку и уставъ для памяти:

«Готъ имѣетъ двенацать мѣсецовъ. Днеи въ году простомъ триста шездесятъ пять, въ четверьтомъ же году, ко...

Кресте чесны—
хранитель души и телу!
Буди ми образомъ своимъ:
бесы низлагая,
Враги отъгоняя,
страсти упраздняя.
Благословение даруй ми,
жизнь и силу
содеиствиемъ Святаго Духа
и честными Пречистыя мольбами

Такъ стихомъ умиленнымъ молитъ дьяконъ кресту (л. 61 об.). И еще есть молитва—стихъ подорожный—не окончилъ его дьяконъ (л. 79):

Боже, Боже нашъ,
истинъ и живы путь путешествія
со слугою своимъ Иосифомъ,
спутешествуй Самъ, Владыко,
и рабу Твоему Василию!
Всякаго вреда обуреваніе
и наветы вражия,
миръ, благомощие,
всякия правды устрой,
промыслъ творяща по заповедемъ
Твоимъ.

И на отдѣльной запискѣ,—въ святцы вложена,—крупно записана своей рукой «вторая молитва»—стихъ покаянный:

Яже Петрово приемы рыданіе,
прими мое, Христе, покаяніе,
и даруй ми согрешені прощеніе.
Аминь.

И еще есть у дьякона особенная молитва—заговоръ на воду отъ внутренней болѣзни—молитва къ «матушкѣ», къ «матери сырой землѣ», къ «батюшкамъ вѣтрамъ» (л. 77 об.)...

***

Много есть людей, что полюбивъ,
Мудрые дома себѣ возводятъ,
Возлѣ ихъ благословенныхъ нивъ
Дѣти рѣзвыя за стадомъ бродятъ.

А другимъ — жестокая любовь,
Горькіе отвѣты и вопросы,
Съ желчью смѣшана кричитъ ихъ кровь
Слухъ ихъ ранятъ злобнымъ звономъ осы.

А иные любятъ, какъ поютъ,
И поютъ и дивно торжествуютъ,
Въ сказочный скрываются пріютъ,
А иные любятъ, какъ танцуютъ.

Какъ ты любишь, дѣвушка, отвѣть,
По какимъ тоскуешь ты истомамъ,
Неужель ты можешь не горѣть
Тайнымъ пламенемъ тебѣ знакомымъ?

Если ты могла явиться мнѣ
Молніей слѣпительной Господней,
И отнынѣ я горю въ огнѣ,
Вставшемъ до небесъ изъ преисподней.

Н. Гумилевъ.

Даяніе Голгоѳы.

1.

Все ярче знаки и примѣты
Средь бренныхъ сновъ и дѣлъ людскихъ,
Что жизнь — псаломъ, вѣкамъ запѣтый,
Гдѣ смертный мигъ — поющій стихъ...
Лишь въ нихъ мы знаемъ свѣтъ воскресный
Забвенью праха, вѣсъ тщетѣ,
И оттого намъ въ часѣ тѣсно
И больно въ дольней полнотѣ...
И вся непрочность смертной силы —
Гранитъ для Божьихъ ступеней,
И самый слабый, самый хилый,
Есть сѣятель грядущихъ дней...
Пусть наше царство — лишь полоска
Межи, гдѣ трудится пчела,
Но отъ пустой крупицы воска
Зажжется вѣчная хвала...
И ты, ос...

...жертва вѣра безъ дѣлъ, мертвознаніе безъ опыта.

Принципъ нуженъ для опыта; внѣ его онъ—абстрактенъ; знаніе безъ вѣры—абстрактно; и вѣра безъ знанія—сказка.

Разсудочно разсѣченіе жизни абстракціей принципа: дѣйствительность раскрошена ею въ формахъ: матеріализмъ есть абстрактное крошеніе трупа міра въ мельчайшія части; спиритуализмъ вылагаетъ изъ жизни живой мертворожденный скелетъ; и оттого часто выглядятъ спиритуалистическія концепціи жизни—ободраннымъ остовомъ: спиритуализмъ уплотняетъ идею въ каркасъ и каркасъ духа—догматъ—безъ плоти и духа. Таковой каркасъ—пустъ.

Догматическій спиритуализмъ—вытравленіе плода жизни изъ жизни; матеріализмъ—убиваніе жизни.

Раздѣленныя вѣра и знаніе намъ грозятъ: оскопленіемъ жизни и разложеніемъ жизни; непостижимъ де духъ; бездуховно де знаніе.

Такъ молясь неизвѣстности, всеизвѣстное, узнаваемое превращаемъ мы въ трупъ; анатомируя человѣка, мы схватываемся за кишки его; и ...мясною, капиталистической жизнью и костнымъ альтруизмомъ въ стремленіи перечислять кости жизни.

Когда что-то проснулось въ насъ, что не умерло, что живетъ въ нашемъ „я" и умирающей и всерадостной жизнью, то подступы къ жизни оказались заставленными: здѣсь—мясными рядомъ чувственной, эгоистической жизни, а тамъ—костяною грудою государственнаго имперіализма, вмѣнившаго намъ; альтруистически положить свою жизнь за абстракцію государства.

И когда это-то тронулось въ насъ, то сознаніе наше оказалось разорвано; разрываются вмѣстѣ съ нами наши души, тѣла; распадается съ нами; старѣетъ планета; передвинулись осени, зимы, весны, тусклѣютъ закаты; землетрясеніе бѣгаетъ подземлей въ своихъ гремящихъ толчкахъ.

Аритмія чугуннаго грохота раскатилась сначала отъ моря до моря; и катается нынѣ въ широкихъ пространствахъ разсыпавшейся колоссальной Имперіи.

Вотъ что сдѣлали паразиты—абстракція въ мірахъ жизни нашей ...новеніе смысла жизни въ ней значитъ одно; изсякновеніе ритмовъ ея въ догматической головѣ; но такой головѣ нѣтъ ни смысла, ни дѣла точить изъ себя брюзгливое отрицаніе обстающей дѣйствительности, потому что единственный ея смыслъ—поскорѣе разбиться, а этимъ очистить пространство сознанія отъ ненужнаго хлама.

Изсякновеніе смысла жизни не можетъ жить въ мысли: кипѣніе, превращеніе, наростаніе, размноженіе творчества „въ ней".

Смыслъ—многовѣтвистое дерево, но абстракція его—палка

Да, мы дерево познанія обернули разсудочной, принципіальною палкою, гармоническій шелестъ кроны умолкъ; раздавались и падали вокругъ насъ—палочные удары сентенцій: года и года. И почтенные брызги отъ науки, и проникновенные пытики разрѣшали Гармонію сферы божественной творческой жизни въ барабанные трески: пустѣющей словесности.

Андрей Бѣлый.

И ты, ослѣпшій въ трудномъ зноѣ
Рабъ дня, гордись своимъ трудомъ,
Но знай, врывая въ прахъ устои,
Что высью башенъ крѣпокъ домъ!

2.

Молятся, молятся думы,
Вторитъ имъ сердце въ груди —
Темныхъ изъ ночи угрюмой,
Господи, въ свѣтъ уведи!
Духомъ вражды и корысти
Зиждется трепетъ людской —
Нищую душу очисти,
Разумъ незрячихъ раскрой!
День поруганья надъ нами,
Бѣдствіе крови на насъ —
Пусть, какъ свѣтильникъ во храмѣ,
Чудо затеплитъ нашъ часъ!
Знаю, что, взрыхливъ глубоко
Поле, Ты сѣешь весну —
Дай не увянуть до срока
Цвѣту, налиться зерну...
Сбудется свѣтъ воскресенья —
Боже, Ты только ускорь
Смертной тоскѣ утоленье,
Всходъ нескудѣющихъ зорь!

Ю. Балтрушайтисъ.

...торой называется высокосъ, прибавляется еще день» (л. 55 об.).

«Временъ въ году четыре: весна, лето, осень, зима» (л. 56).

«Человѣкъ имѣетъ пять чувствъ: зрение, слухъ, обоняние, вкусъ, осязание» (л. 56).

«Дела милости, телу принадлежащ(ія): алчущаго напитать, жаждущаго напоить, нагаго одеть, странствующаго въ домъ ввести, немощнаго посетить, ходить въ темницу, искупать пленныхъ, умерьшаго погребать; согрешающаго исправить, неумеющаго наставить, сомнящему добросоветовать о спасеніи Господа молить, печальнаго утешить, сносить несправедливость съ терпениемъ, долги прощать» (л. 56 об.).

«Смертныя грехи: 1—гордость, 2—сребролюбие, 3—гневъ, 4—невоздержание,5—зависть, 6—уныние, 7—клевета» (л. 57 об.).

«Грехи противъ Бога: излишнее упованіе на милость Божию безъ творения добрыхъ делъ, отчаяние милости Божией, сопротивление явное. Помни 4 последнія: смерть, судъ, адъ, царствие небесное» (л. 58).

Но дьякону мало обычныхъ молитвъ, установленныхъ и освященныхъ, сонная душа его испытываетъ милосердіе и другими молитвами, не входящими ни въ какіе каноны:

...об.).

Стоитъ дьяконъ какъ [illegible], волосы на лбу слиплись,—[illegible] лошой справа ему свѣтитъ [illegible]

Троице единосущная и нераздѣльная [illegible]
Благослови меня, Господи,
сии ключи теплии, насъ образ[illegible]
въ едину реку—
стекайтесь ключи
чисть и непорочен-а раба Божія
спасите!

Чиста и непорочна
ходатаинницею со ангелами [illegible]
сия вода—матушка,
и мать сыра—земля,
прости мя грешнаго,
раба Божія Василія,
что я на тебя поступалъ
безъ Божия благословения
и безъ родителя батюшки!
И сии ветры,
простите мя грешнаго

Матушка сыра—земля
и батюшки сии ветры,
отпустите мя
отъ внутренней болезни!
Я, рабъ Божій, обещаюсь
вечернію и утреню зарю
Исусову молитву на каждый день
отъ внутренней болезни.
Аминь.

Алексѣй Ремизовъ.

Страстная канитель.

Въ этомъ году какъ-то и не ждали весны,—какая ужъ тамъ весна!—она наступила совсѣмъ внезапно. Улицы стали звучными отъ показавшихся наружу мостовыхъ камней. На необыкновенно веселыхъ дѣвицахъ съ чрезмѣрно алыми губами запестрѣли легкомысленные, сверхъ обычнаго, наряды. Щеголеватые австрійцы изъ плѣнныхъ фланировали по Невскому проспекту еще болѣе, чѣмъ раньше, независимымъ видомъ. Неловкіе и неповоротливые молодые люди въ сѣрыхъ шинеляхъ останавливались въ самыхъ неожиданныхъ мѣстахъ—посреди тротуаровъ, на углахъ улицъ и улыбались съ неопредѣленнымъ выраженіемъ. Отъ прошедшаго недавно дождика кое-гдѣ, за оградами, чахло зазеленѣла травка. Въ желтую грязь улицъ было влито, какъ въ жиденькій и невкусный кисель, сѣрое, полусонное, но все же по-весеннему тревожное настроеніе.

Въ одинъ изъ такихъ дней на страстной недѣлѣ Ремьевъ съ женою собрались къ Долгаевымъ. Оба они были журналисты, но встрѣчались не очень часто, а въ послѣднее время были даже въ ссорѣ и теперь въ первый разъ послѣ полугодовой размолвки должны были встрѣтиться и помириться вблизи, какъ уже помирились по телефону. И теперь Ремьевымъ было пріятно пріѣхать къ Долгаевымъ, потому что Ремьевъ и Долгаевъ были съ юныхъ лѣтъ друзьями, и еще болѣе пріятельницами были ихъ жены. А поссорились они въ концѣ прошлаго августа, послѣ долгаго спора о томъ, какъ слѣдуетъ относиться къ выступленію Корнилова. Споръ былъ очень острый, но черезъ 8 мѣсяцевъ вся острота его затерялась въ мутной мглѣ быстро пронесшихся событій.

Предварительный разговоръ по телефону сулилъ Ремьеву одну изъ тѣхъ бесѣдъ, которымъ они оба предавались въ былые дни до самозабвенія, просиживая за бутылкой вина напролетъ цѣлыя ночи. Не о политикѣ теперь, конечно,—опостылѣла всякая политика. Совсѣмъ отвлеченный отъ событій, но все же значительный для нихъ интересъ религіозно-философскихъ размышленій—вотъ что будетъ тою праздничною четверговою солью, которая дастъ тонкій вкусъ ихъ бесѣдѣ. Вотъ почему пріятно было преодолѣть большое разстояніе, трамвайную дикую толкотню, уличную сѣрую грубость, оскорбительный видъ безпорядка и замусоренности и жалкое впечатлѣніе столпившагося у Николаевскаго моста, вдоль Невскихъ набережныхъ, бывшаго флота бывшей великой державы всероссійской.

Добрались, вошли въ подъѣздъ, спросили швейцара:

— Лифтъ ходитъ?

Швейцаръ, похожій на покойнаго желчнаго чиновника стараго режима, смотрѣлъ на Ремьевыхъ злыми глазами и молчалъ.

Анна Алексѣевна Ремьева спросила преувеличенно ласковымъ голосомъ:

— Можно подняться къ Долгаевымъ?

— 27 номеръ,—грубо отвѣчалъ швейцаръ.

— На лифтѣ можно подняться?—повторила Анна Алексѣевна.

— Не полагается,—съ видимымъ удовольствіемъ сказалъ швейцаръ.—Лифтъ только для своихъ жильцовъ. Всякому подниматься—у насъ нѣтъ такого порядка.

— Вездѣ поднимаются,—сердито проворчалъ Ремьевъ.

Анна Алексѣевна потянула его за рукавъ и сказала опасливо:

— Пойдемъ же, Николай Ивановичъ, какъ-нибудь взойдемъ.

У Николая Ивановича было короткое дыханіе, и взбираться на 6-й этажъ ему было трудно. И досадно,—вѣдь, есть же лифтъ?

— Идіотство!—ворчалъ онъ,—останавливаясь на площадкѣ. Только у насъ въ Россіи возможно такое идіотство.

Анна Алексѣевна, болѣе легкая и скорая, поднялась раньше и позвонила.

Когда Ремьевъ, тяжело дыша, подходилъ къ дверямъ квартиры Долгаевыхъ, уже на порогѣ стояла Ольга Борисовна Долгаева. Входя въ прихожую, обѣ дамы весело и живо разговаривали, обѣ странно похожія одна на другую, обѣ тоненькія и высокія, бойкія и говорливыя, и голоса ихъ сливались въ одинъ весело журчащій ручей, мелодичныя рѣчи котораго понятны и различимы только для нихъ самихъ.

Улыбающаяся горничная стаскивала съ запыхавшагося Ремьева весеннее пальто. Въ дверяхъ кабинета показалась высокая и полная фигура Василія Сергѣевича Долгаева. У Ремьева радостно забилось сердце. Онъ двинулся навстрѣчу пріятелю и ему казалось, что вотъ сейчасъ они обнимутся, расцѣлуются, скажутъ другъ другу какія-то очень сердечныя и теплыя слова, гораздо сердечнѣе и теплѣе тѣхъ, которыми они недавно обмѣнивались по телефону.

Но ни объятія, ни поцѣлуя почему-то не вышло. Хозяинъ былъ, видимо, радъ гостямъ и говорилъ, по обыкновенію, громко и смѣялся весело, и было совершенно естественно, что они встрѣчаются такъ, какъ-будто только что вчера разстались и ничего между ними не бывало. И Ремьевъ даже не могъ понять, въ чемъ дѣло, и отъ кого это было, что они не поцѣловались, а только горячо жали руки другъ другу. И теплыхъ задушевныхъ словъ тоже почему-то никто изъ нихъ не говорилъ другъ другу. И даже какъ-будто и не нужно было никакого сердечнаго, интимнаго краснорѣчія.

«Экій я тюфякъ!—досадовалъ самъ на себя Ремьевъ.—Все же я тогда наговорилъ ему много обидныхъ и даже оскорбительныхъ словъ и теперь надо было бы сказать что-нибудь этакое хорошее, искреннее».

И утѣшалъ себя тѣмъ, что время еще не потеряно, что при женщинахъ, пожалуй, и не надо было начинать щекотливаго разговора, а что онъ, улучивъ удобную минутку, отзоветъ Долгаева въ другую комнату и поговоритъ съ нимъ по душамъ.

Прошли прямо въ столовую. Столъ былъ уже накрытъ.

— Ну, вотъ, вы прямо къ обѣду. Сейчасъ подадутъ,—говорила Ольга Борисовна.

— Теперь какъ-то неловко приходить къ обѣду,—отвѣчалъ Ремьевъ,—ни у кого ничего нѣтъ.

— Сегодня кое-чего достали,—сказалъ съ обычной и потому уже незамѣтной веселостью Долгаевъ.

Ремьевъ внимательно всмотрѣлся въ него.

— А вы-таки похудѣли, сказалъ онъ.

— Ничего, я рада: это къ нему больше идетъ,—говорила Ольга Борисовна.

14-лѣтній Андрюша, одѣтый почти по-взрослому—въ пиджачекъ, въ полукрахмальную сорочку съ чернымъ галстукомъ, въ лакированные башмаки и длинные лиловые чулки,—вышелъ изъ своей комнаты, совсѣмъ какъ взрослый поздоровался и поцѣловалъ руку у Анны Алексѣевны. Пришлось спросить его о занятіяхъ въ гимназіи. Но сразу было видно, что они теперь мало интересовали мальчика, и онъ быстро свелъ разговоръ на политику.

Хорошо, что отецъ довольно безцеремонно остановилъ его.

— Политикой интересуешься, это хорошо,—сказалъ онъ,—только ужъ очень надоѣло. Въ редакціи—о ней, на улицѣ—о ней же,—ну ее. А вотъ что я вамъ скажу, Николай Ивановичъ.

Въ это время горничная въ бѣломъ передникѣ внесла миску съ супомъ. Надо было усаживаться за столъ. Разговоръ пока перебился всякій,—и интересный, и неинтересный. Ремьевъ помнилъ, что Долгаевъ хотѣлъ сказать ему что-то интересное, и ждалъ. И дождался. Съѣвши тарелку супу, Долгаевъ заговорилъ.

— А вотъ, что я хотѣлъ вамъ сказать. Спѣшите—въ кооперативѣ журналистовъ принимается подписка на куличъ и пасху по 20 р. за фунтъ.

— Но это же ужасныя цѣны!—въ ужасѣ закричала Анна Алексѣевна.

— Спѣшите!—наставительно и настойчиво повторилъ Долгаевъ,—а то и этого не будетъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!—рѣшительно и страстно говорила Анна Алексѣевна.—Я принципіально противъ такихъ чрезмѣрныхъ цѣнъ. Это, значитъ, потворствовать спекулянтамъ. Мнѣ предлагали сахаръ по 20 р. за фунтъ. Я ни за что. Если бы никто не бралъ по такимъ грабительскимъ цѣнамъ, то эти грабители что бы стали дѣлать со своими запасами?

— А все-таки приходится покупать,—сказалъ Ремьевъ.—Вчера я покупалъ орѣхи, простые, волошскіе, даже не каленые, по 16 р. фунтъ.

Всѣ принялись говорить о цѣнахъ, о дороговизнѣ, о томъ, что ничего нѣтъ, что цѣны все растутъ съ каждымъ днемъ. А, между тѣмъ, на столѣ появлялись вкусныя и питательныя блюда, и понятно было, что все это достается по случаю, по бѣшеной цѣнѣ.

— Вотъ такъ всѣ деньги и уходятъ на ѣду,—сказала Анна Алексѣевна.—Говорятъ, придутъ нѣмцы, все будетъ дешево, всего будетъ достаточно.

И этотъ вопросъ дебатировался долго и оживленно. За обѣдомъ и послѣ обѣда разговоръ былъ все о томъ же: о цѣнахъ, о ѣдѣ, о грядущемъ пришествіи нѣмцевъ. Иногда кто-нибудь скажетъ:

— Да что это мы все о ѣдѣ говоримъ! Даже стыдно. Поговоримте о чемъ-нибудь другомъ.

Заговорятъ о новой книгѣ, но сейчасъ же вспомнятъ, что новыхъ книгъ почти не печатается изъ-за дороговизны, и опять разговоръ съѣзжаетъ на то же. Сначала Ремьевъ порывался встать, отозвать Долгаева въ другую комнату, сказать ему что-то, даже придумывалъ вступительную фразу, но все въ голову лѣзла какая-то ерунда, въ родѣ того, что:

— Ну, что, Василій Сергѣевичъ, вотъ мы съ вами спорили да ссорились, а, вѣдь, въ сущности, интересъ у насъ одинъ—продовольствоваться, съ голоду не распухнуть.

Или такъ:

— Относительно Корнилова вы, Василій Сергѣевичъ, можетъ быть, и правы, а все же не будь этой гражданской войны, и Сибирь и Украйна повезли бы къ намъ и хлѣбъ и все прочее.

Но начать интимную задушевную бесѣду съ такихъ ходячихъ фразъ не хотѣлось, да и странно было въ нихъ такъ завязнуть, что всякую интимность забудешь. Нѣтъ, ужъ лучше подождать до слѣдующаго раза, или и такъ обойдется. Вѣдь, видно же, что никакой злой тѣни между нами не осталось. Объясниться—это значитъ только ворошить давно забытыя недоразумѣнія.

Но вотъ на стѣнныхъ часахъ стрѣлка подвигалась къ 9 уже близко. Не довѣряя чужимъ часамъ, Ремьевъ вытащилъ свои карманные—такъ, безъ 10 девять. Онъ вздохнулъ и сказалъ:

— Однако, надо торопиться. Въ 9 трамваи оканчиваются, извозчики кусаются, а пѣхтурой переть отъ васъ,—благодарю покорно!

— Посидимъ еще полчасика,—просительно сказала Анна Алексѣевна,—можетъ быть, перехватимъ какой-нибудь послѣдній вагонъ.

— Какъ хочешь,—сказалъ Ремьевъ, рѣшительно подымаясь.—Оставайся ночевать, если хочешь, а я пойду. Мнѣ необходимо быть дома.

— Василій Сергѣевичъ!—говорила Ремьева, не любившая пѣшкомъ ходить,—скажите, вѣдь, отъ васъ же пойдутъ эти вагоны въ паркъ?

Долгаевъ разсмѣялся.

— Вы оставайтесь, въ самомъ дѣлѣ, переночуйте, а Николая Ивановича не смѣю задерживать, по опыту знаю. Онъ сегодня съ Весельевымъ на улицѣ разговоръ не окончилъ—живу № 17 ждетъ, и къ нему бѣгомъ. Весельевъ что-то мнѣ руками показываетъ, а ужъ мнѣ не до того.

Остаться ночевать Анна Алексѣевна не захотѣла. Ушли оба, и уже горькій осадокъ невысказанныхъ теплыхъ чувствъ проступилъ въ сердцѣ Ремьева. Но уже когда вышли на лѣстницу, Долгаевъ окрикнулъ Ремьева:

— Николай Ивановичъ, голубчикъ, да что же это мы съ вами не поцѣловались?

Пріятели обнялись и горячо трижды облобызались. На веселыхъ глазахъ Долгаева сверкнули свѣтлыя слезинки, и онъ шепталъ на ухо Ремьеву:

— Ничего, голубчикъ, все обойдется. Надо только это время перетерпѣть, продержаться, а тамъ мы опять людьми будемъ.

На улицѣ, торопясь къ остановкѣ трамвая, Анна Алексѣевна говорила:

— Я очень рада, что мы къ нимъ наконецъ, собрались. Все-таки они очень хорошіе люди, и такъ пріятно побыть съ ними, отойти хоть на минуту отъ этой сѣрой суеты.

Ремьевъ, улыбаясь, сказалъ:

— Разговоръ-то у васъ былъ довольно обыкновенный, злободневный, такъ-сказать, не очень праздничный, уже вовсе не пасхальный.

Анна Алексѣевна [illegible] посмотрѣла на него, легонько усмѣхнулась и сказала тихо:

— Я рада, что мы совсѣмъ помирились и даже поцѣловались. У меня слезы на глазахъ показались. Я, право, очень рада.

— Чувствительна,—пробормоталъ Ремьевъ, маскируя свое растроганное смущеніе.

— Нѣтъ, Коля, ты не смѣйся,—[illegible] говорила Анна Алексѣевна,—помирились, поцѣловались—это же, право, очень хорошо. Праздникъ—не въ томъ, чтобы столъ ломился отъ кушаній [illegible] отъ [illegible]. Похристосовались [illegible] и съ радостью,—вотъ намъ и Христосъ.

— Немного,—все тѣхъ же [illegible] по [illegible] тонкихъ [illegible] Ремьевъ.

Анна Алексѣевна разсмѣялась.

— Не ворчи. Иное дѣло [illegible] больного. Я рада, съ меня и [illegible] вольно. Да и что такъ? Вѣдь, [illegible] нѣтъ надолго придется [illegible] заняться.

Ѳедоръ Сологубъ.

ТЕРРОРИСТЪ.

Тогда—современникъ, теперь—вспоминатель,
Я радостно помню: онъ былъ подлѣ насъ.
Герой и ребенокъ, борецъ и мечтатель,
Осмыслившій вѣку взорвавшійся часъ.

Быть можетъ, въ текучестяхъ улицы шумной
Мы мѣрили вмѣстѣ родной Петербургъ.
Всѣмъ чуждъ, на асфальты вступалъ многодумный
Онъ—новаго міра святой деміургъ.

И зналъ—всякій день, каждый шагъ такъ непроченъ,
Но сроки вершитъ беззавѣтный обрядъ.
Все помнилъ и ждалъ. Размѣренно точенъ,
Къ колесамъ ложился тяжелый снарядъ.

И видѣлъ сквозь дымъ, какъ трясущійся нѣкто,
Къ стѣнѣ прислонялся, сжимая виски,
Какъ вдоль опустѣвшаго сразу проспекта,
Вздыбившись на мигъ, понеслись рысаки.

А послѣ—усталость. И пихты, и туи.
Тюремная койка, и въ льдинкахъ окно.
И сладкая боль—догорать въ Акатуѣ,
Не знать, что земное уже свершено.

Юрій Бочаровъ.

***

Не учила меня ни родная мать
Ни крестная
Въ воскресенье мясопустомъ заговлять,
По средамъ и пятницамъ ѣсть постное

Конокрадомъ былъ отецъ мой; упокой
Его, Господи!
Въ чистомъ полѣ да за быстрою рѣкой
Мужики его убили до смерти...

Какъ залегъ сегодня съ вечера въ кусты
Я ольховые...
Чуть блестятъ надъ нашей церковью кресты,
Золотые все кресты да новые.

Въ церкви Свѣтлая Заутреня идетъ.
Люди молятся...
Проваляюсь тутъ всю ночь я напролетъ,
На зарѣ пойду домой околицей.

А и домъ мой да на самомъ на краю
Безъ трубы стоитъ...
Безъ пути я прожилъ молодость мою.—
Ужъ и въ Свѣтлый праздникъ то не сытъ не мытъ!

Любовь Копылова.

ВЪ ТЕЛЯЧЬЕМЪ ВАГОНѢ.

Лѣтъ уже пятнадцать, по нѣскольку разъ въ годъ, ѣзжу я изъ Петрограда въ Елецъ, и никогда не случалось мнѣ встрѣтиться съ человѣкомъ, который [illegible] со мною бралъ бы въ кассѣ билетъ до Ельца. Теперь въ нашей очереди многіе ѣдутъ въ Елецъ, потому что Елецъ—южный полюсъ Россійской совѣтской федеративной республики, за Ельцомъ гдѣ-то очень близко нѣмцы, и поэтому многіе берутъ до Ельца.

На сѣверномъ полюсѣ господствуетъ принципъ всеобщаго мира и классовой войны, на южномъ—царство мѣшочника, безъ всякаго принципа. Не легко освободиться отъ петроградскаго принципа: изъ Петрограда я выбрался совершенно такъ же, какъ изъ плѣна, не брезгуя никакими средствами: я убѣжалъ.

И какъ бывало, ѣду я въ поѣздѣ возлѣ мѣста военныхъ дѣйствій—видно въ окно, какъ шрапнель разрывается, а тутъ люди въ вагонѣ пытаются осмыслить военное разрушеніе и убійство, такъ теперь въ поѣздѣ, идущемъ вдоль революціоннаго фронта, ѣду я и слушаю, какъ человѣкъ-звѣрь пытается подняться на двѣ ноги.

Въ нашемъ вагонѣ идетъ жестокій споръ старушки-толстовки съ большевиками, матросами гвардейскаго экипажа балтійскаго флота.

— Ваша программа чудесная,—говоритъ толстовка,—мы, толстовцы, это признаемъ, только не надо насилія.

— Мамаша,—отвѣчаетъ матросъ,—это война!

— Не нужно войны!

Спорятъ, будто летятъ, а вотъ рядомъ со мною сидитъ человѣкъ блѣдный, опухшій, измученный. Ему не улетѣть—онъ жертва войны. Три года тому назадъ онъ оставилъ свою семью, жену, пять маленькихъ, сражался въ Галиціи за Россійскую Имперію. Мнѣ кажется, это его я видѣлъ у Ярослава на Санѣ, слѣдилъ съ наблюдательнаго пункта въ бинокль, какъ онъ съ крынкой молока пробирался вдоль Сана къ нашей батареѣ. Вижу я, какъ снарядъ попалъ въ рѣку, взрывъ обнажилъ дно, и солдатъ съ крынкой исчезъ въ бѣломъ столбѣ воды и дыма.

— Погибъ,—сказалъ офицеръ.

Онъ ошибся: солдатъ ползаетъ по землѣ, собираетъ выброшенную взрывомъ изъ Сана рыбу, пытается одною рукою нести крынку съ молокомъ, другою—рыбу. Снаряды землю пашутъ возлѣ него, пуля сбила фуражку. Безъ шапки, съ крынкой молока и рыбой онъ достигаетъ невредимый батареи и вручаетъ молоко офицеру.

Мы пили чай съ этимъ молокомъ, и офицеры говорили между собою.

— Мнѣ страшно думать о будущемъ этихъ людей: они ожидаютъ такого счастья отъ этой войны, какого не можетъ быть на землѣ, въ концѣ концовъ они будутъ обмануты.

Завѣдующій хозяйствомъ сказалъ:

— Почему вы думаете? имъ, навѣрно, будутъ прощены нѣкоторые платежи, понижены налоги.

— И опять воевать?—раздраженно сказалъ [illegible] офицеръ,—нѣтъ, покорно благодарю, я больше не хочу, эта война—послѣдняя.

Первый офицеръ на это возразилъ:

— [illegible] и вы, какъ этотъ солдатъ съ крынкой, вѣрите въ то, чего на землѣ быть не можетъ.

— Нѣтъ!—сказалъ завѣдующій,—я думаю, что земельные налоги будутъ на время отмѣнены, даны будутъ разныя льготы, и всѣ будутъ довольны,—и этимъ все кончится.

Съ тѣхъ поръ прошло больше трехъ лѣтъ, и вотъ онъ, этотъ солдатъ калѣкой возвращается изъ германскаго плѣна. Онъ—живой мертвецъ. Старый Боженька изъ крынки молока, которую принесъ онъ подъ пулями своему офицеру, ни одной капли не претворилъ въ революціонную вѣру,—инвалидъ безучастенъ къ спору толстовки съ большевиками.

— Ваша программа чудесная!—говоритъ толстовка,—но только убійство: какъ можно чего-нибудь хорошаго достигнуть убійствомъ?

Юноша, задумчивый, нѣжный и жестокій, какъ Робеспьеръ, отвѣчаетъ:

— Мамаша, если бы я могъ собрать всю буржуазію, всѣхъ поповъ въ одно мѣсто, въ одинъ костеръ, и мнѣ бы досталось счастье такое поджечь его—я бы поджегъ, я былъ бы счастливъ.

— Ну, и что же потомъ?

— А потомъ кончено убійство: тогда мы вмѣстѣ съ вами, мамаша, будемъ проповѣдывать миръ, люди будутъ счастливы.

Мамаша, удрученная, долго молчитъ, долго обдумываетъ и, наконецъ, опять начинаетъ споръ.

— Это война,—говоритъ она,—васъ научила убивать.

— Мамаша, а развѣ мы хотѣли воевать и убивать? Насъ заставляли. Вотъ, если бы вы это испытали, а вы это не испытали, вы счастливая.

— Вамъ нужно Бога признать,—отвѣчаетъ толстовка.

— Мамаша, нельзя ли Бога отмѣнить или слово Богъ замѣнить какимъ-нибудь другимъ словомъ.

— Хорошо: пусть душа.

— Не понимаю душу: какая душа, гдѣ душа?

— Въ насъ самихъ.

— Это — совѣсть: у совѣсти есть глаза, а что такое душа, Богъ, тотъ свѣтъ?

Я спрашиваю инвалида, какъ онъ обо всемъ этомъ думаетъ; я говорю ему:

— Они, хотятъ отмѣнить Бога.

— Бога?—повторилъ онъ.

— Да Бога, и сжечь всѣхъ купцовъ и поповъ.

— Купцовъ и поповъ?

— Для счастья всего человѣчества.

— Такъ: для счастья.

— Не теперь, а потомъ, не для насъ, а для будущихъ насъ.

— Для будущихъ?

— Вы что-нибудь понимаете въ этомъ?.

— Нѣтъ, я ничего не понимаю,—меня [illegible].

Не понимаетъ, не узнаетъ блудной дочери военной своей вѣры въ счастье русскаго народа послѣ войны. Старый Боженька ни одной капли его батарейнаго молока не претворилъ въ революціонную вѣру.

Матросъ говоритъ:

— А мнѣ развѣ жизнь моя дорога, я развѣ изъ-за своей жизни хлопочу?

«Мамаша» спрашиваетъ:

— Почему же вы теперь уѣзжаете въ деревню?

— Подождать.

— Нѣмцы идутъ, а вы ждать?

— Это—не нѣмцы, это—наша буржуазія. Скоро у нѣмцевъ будетъ, какъ у насъ, нужно только подождать.

— Вѣрите?

— Знаю!

Этотъ задумчивый и жестокій юноша спросилъ меня.

— А какой же вы партіи?

— Никакой партіи, я самъ по себѣ: я—человѣкъ.

— Безпартійный?—это самое вредное.

Я спросилъ:

— Что же, и насъ нужно сжечь въ общемъ кострѣ?

Жестокій юноша отвѣтилъ:

— Непремѣнно!

И Бога замѣнить разумомъ и сжечь всѣхъ для всеобщаго счастья, и жестокій и чувствительный, совсѣмъ какъ Робеспьеръ.

~~~

Такъ до самой Москвы пытаемся мы въ вагонѣ осмыслить событія, но въ Москвѣ, на Курскомъ вокзалѣ, будто въ бездну, проваливаемся въ это царство мѣшечниковъ. Часа три мы стоимъ на платформѣ въ ожиданіи состава поѣзда телячьихъ вагоновъ, и, когда подаютъ, на ходу кошками прыгаемъ въ двери. На ногахъ моихъ сидятъ, плечи сдавлены. Сверху низко такъ, что надо шею согнуть—заставляютъ доски. Черезъ щели въ доскахъ сыплются сѣмечки, соръ, льются помои, а потомъ и еще хуже: выйти никакъ невозможно. И полная тьма, хоть выколи глазъ. На крышахъ топотъ, вотъ-вотъ крыша провалится. Слышно оттуда:

— Красныя морды!

Такъ называютъ мѣшечники красногвардейцевъ—воиновъ совѣтской республики. Мѣшечники и «красныя морды» — величайшіе враги.

Оплеванный, огаженный, весь измятый, измоченный, къ вечеру второго дня выглянулъ я на свѣтъ стараго Боженьки—какая жалкая земля, вся изрытая оврагами, какія жалкія жилища, похожія на кучи навоза.

Садилось солнце. На поворотѣ я увидѣлъ весь составъ нашего поѣзда и на крышахъ освѣщенныя заходящимъ солнцемъ группы людей. Эти люди были похожи на плывущихъ по морю на плотахъ и обломкахъ во время кораблекрушенія.

Тонетъ корабль, я хватаюсь за бревно, сажусь на него верхомъ,—я радъ, что мнѣ досталось бревно. Вотъ плыветъ мѣшокъ съ сухарями, я хватаю его—я радъ! Меня выбрасываетъ на берегъ—я счастливъ! А корабль утонулъ, и много погибло людей. Но я счастливъ, и счастьемъ новымъ начинается на островѣ жизнь.

Вотъ такъ же и эти чумазые мѣшечники теперь на крышахъ вагоновъ, какъ на бревнахъ плывутъ, жестокіе, цѣпкіе, какъ звѣри, нынѣ граждане единственной въ свѣтѣ соціальной республики, завтра — господа буржуазнѣйшаго въ мірѣ мужицкаго царства.

М. Пришвинъ.

КАФЭ „ДВУХЪ ПОЛУШАРІЙ“.

Ночью бѣлая Америка наливается свѣтомъ лампочекъ, скрытыхъ внутри. Краснымъ виноградомъ—чтобы висѣть надъ тротуаромъ, чтобы лица, поднятыя къ ея свѣту, узнавали ея гавани. Это—всѣмъ тѣмъ, которые идутъ и ѣдутъ отъ Королевскаго сада, потому что второе полушаріе разбито въ самой серединѣ. Косые осколки засыпались за стекло. Сквозь «Старый Свѣтъ»—красныя лампочки, неизмѣнно согнутыя въ цинковомъ кругѣ.

Это про вывѣску.

Какъ онъ не разобьетъ ея красные углы? Онъ такой большой. Онъ такъ машетъ палкой. И когда глаза блѣднѣютъ въ пятнѣ фонаря... Каждая петля его желтаго шарфа разорвана его пальцемъ. Шерстяные концы. Весь желтый комокъ подъ верхнюю пуговицу. Всегда лѣвой рукой. Рука мерзнетъ безъ перчатки. Развѣ въ пальто нѣтъ кармановъ? Ваше пальто стало рыжимъ отъ подмышекъ, и матерія по переду облилась въ сѣрыя нитки. А если палкой по Бразиліи? Чтобы стало свѣтлѣй и на этомъ концѣ жизни. Каждый молодой человѣкъ въ модномъ пальто требуетъ свѣтлой жизни. Что?.. Но улыбка всѣмъ ртомъ безъ переднихъ зубовъ. Все лицо течетъ въ эту улыбку. Пиво желтой кожи со скулъ и висковъ вмѣстѣ съ добрыми глазами. Глаза цвѣта доброй жизни!

— Яньки! О-о-о!! Вотъ вы! Чтобы чортъ... Я васъ подыму на руки!

Я васъ... Яньки, я вѣдь ждалъ васъ!..

~~~

— Въ дыму твоего табака, Большой, я не увижу Типперери.

~~~

Слизни съ клеенки слипшееся съ лицъ... Въ зеленомъ. Газовыя лужи.

Свѣтъ припаивать на свинцовые ободки, и по зеркалу прилипшихъ женщинъ...

Пѣсня на башмакѣ. Лаковый золотой. Въ зеркалѣ зеленыхъ женщинъ.

Дорожка зеркало для бутылокъ,—тамъ королева бутылокъ—для стекла стольких стакановъ, потому что всѣ цвѣты умираютъ въ зубахъ бумаги.

Кисейной плѣсени блюдечко мухъ, и пальма, на всю жизнь сдѣланная изъ дерева...

Локти теплыхъ треугольниковъ, и ладонь руки съ забитымъ угломъ подбородка, когда пальцы падаютъ къ столу.

~~~

Какая я Типперери? Вотъ какая я Типперери! Вотъ я вижу себя по поясъ, себя въ зеркалѣ, гдѣ плыветъ серебряный дымъ. Тамъ бутылки, какъ золотые скипетры, и мои руки звенятъ о нихъ, всѣ мои руки, плывущія въ зеленомъ стеклѣ. Моя шапочка, какъ бархатный кошелекъ, какъ опрокинутый зеленый кошелекъ, и его вышитый бисеромъ край стягиваетъ мой лобъ, какъ вышитая лента. Мои волосы короткіе и не завитые.

Они такіе прямые, какъ грива пони, и вся моя шея открыта, какъ у высокаго мальчика. Мое лицо бѣлое отъ пудры, и брови нарисованы, какъ крылья ласточки, и губы какъ красный шнурокъ. Мое платье все изъ шелка, мое платье все изъ зеленаго шелка, и я глажу мою грудь, и я глажу мои руки, плывущія въ зеленомъ стеклѣ.

~~~

— Большой, убей Типперери!

~~~

... Для раздробленія чужихъ головъ. Всегда лѣвой рукой. Галстучныхъ франтовъ осаживать въ юбки ихъ бабъ. Ну, целлулоидный лобикъ, постучи въ костяшки краснаго... По фальцу, на каждомъ зеленомъ блюдцѣ, и на каждой пепельницѣ по круглому краю черными буквами:—кафе «Двухъ Полушарій»—почитай сосѣдъ! Крикъ дерева всѣмъ имъ въ уши! Вотъ рябой я!

Даже перхоть сыплется съ сальныхъ пятенъ заснувшихъ, такъ качаетъ ихъ страхъ. О-о-о! Завою. Газовыхъ ламиъ въ согнутое черное. Развѣ руками искать на полу разбитыя буквы?

~~~

«Вѣрите ли, онъ иногда ночью, или когда долго сидитъ одинъ вдругъ начинаетъ плакать»...

~~~

— Ты такой серьезный, странно серьезный и покорный мнѣ. И вотъ твои руки мнѣ «твоему врачу». Такъ всегда ты вытягивалъ впередъ шею. Ахъ, собирать твои ленточки, потому что никогда ты не умѣлъ завязать себѣ галстухъ. Терпѣливый и добрый! Я такой маленькій, маленькій и слабый рядомъ съ тобой, и ты могъ бы только сжать и раздавить меня твоими неистовыми руками, вѣдь такъ ужасенъ твой гнѣвъ. Но такъ осторожно, точно боясь сдѣлать больно даже воздуху около меня, ты [illegible] небольшую ладонь. Мой другъ! Мой некрасивый, мой безумный другъ!

Я люблю тебя такъ печально. Помнишь, грустный и удивительный, какъ мы бродили съ тобой по страницамъ самаго замѣчательнаго романа?

Не кричи же такъ страшно, и не плачь ты, ты Большой!

~~~

Каждый вечеръ.

Каждый вечеръ загорается красная Америка!..

А. Тришатовъ.

ЧТО ЖЕ?!

Что же, такъ и плакать о Россіи блѣдной?!
Что же, такъ и дальше въ глушь и тьму итти?!..
Вижу: нашей скорби, немощной и блѣдной,
Призракъ всталъ безкрылый, заслонивъ пути.

Наши скорби, плачи, наши панихиды
Только насъ хоронятъ, отпѣваютъ насъ..
О, безсилье наше — немощность обиды
Въ роковой и жуткій и послѣдній часъ!..

Филаретъ Черновъ.
~~~

быть не можетъ.

«Мамаша» спрашиваетъ:

М. Пришвинъ.

...въ роковой и жуткiй и послѣднiй часъ!..

Филаретъ Черновъ.

ВЕСЕННІЕ СОБЛАЗНЫ.

(Разсказъ).

I.

Волока сталъ плохо спать. Просыпался въ шесть и больше заснуть не могъ, какъ ни старался, а недавно еще едва могли его разбудить въ девять—всегда опаздывалъ на первый урокъ.

Въ шесть или даже въ пять проснется и невозможно больше лежать въ душной кровати.

Встанетъ, долго умывается въ ваннѣ, но даже холодная вода не освѣжаетъ, не прогоняетъ тумана изъ головы.

Повторить бы алгебру и французскiя слова, да не хочется, ничего не хочется.

Побродитъ по темной квартирѣ (солнце весеннее черезъ густыя занавѣски не пробирается)—всѣ спятъ; въ столовой холодный самоваръ и грязные стаканы, съ вечера оставшiеся. Скучно. Спустится внизъ, если дверь у швейцара уже открыта (собакъ выводятъ гулять изъ третьяго номера) выйдетъ на залитый асфальтомъ дворикъ. Солнце уже по-лѣтнему обжигаетъ, на дворѣ пусто, только бородатый Карпъ Семеновичъ, старшiй дворникъ, мрачно бродитъ у дровяныхъ сарайчиковъ.

Хотѣлось бы кофе выпить, а то слегка подташниваетъ, или въ крокетъ поиграть. Хоть бы газету принесли или вдругъ бы пожаръ случился. Всѣ бы вскочили, закричали, наполнился бы переулокъ веселыми звуками пожарныхъ рожковъ, а то такъ томитъ, такъ мучаетъ эта тишина сонная, когда самъ спать ужъ не можешь.

Ахъ, какъ несносна эта весенняя безсонница. Нужно тщательнѣе занавѣшивать черными занавѣсками окна отъ этихъ опасныхъ, иногда смертельно ранящихъ стрѣлъ весенняго солнца или принимать бромъ и вероналъ.

Но Волокѣ еще незнакома эта немудрая наша мудрость, не умѣетъ онъ еще быть благоразумно-осторожнымъ—не поддаваться этимъ безпокойнымъ чарамъ туманящаго голову весенняго воздуха.

Вѣдь онъ привираетъ, когда на вопросъ—„сколько вамъ лѣтъ?" отвѣчаетъ, краснѣя: „мнѣ скоро шестнадцать".

Шестнадцати ему еще лѣтъ, а на видъ и того меньше.

Бѣлокурый, розовый, съ синими глазами, похожъ онъ на фарфоровую куколку, еще не успѣвъ подурнѣть, какъ всегда дурнѣютъ подростки, такой чистенькiй, аккуратный, тихiй, вѣжливый, коротко-подстриженные волосы на боковой проборчикъ тщательно зачесаны; воротничекъ и манжеты всегда чистые, пальцы въ чернилахъ не замазаны, поясъ затянутъ туго, передъ знакомыми барышнями и инспекторомъ шаркаетъ ножкой такъ изящно.

Въ гимназiи дразнятъ Волоку чистюлькой, подвитой дѣвченкой, но все же любятъ: товарищъ хорошiй, ни наябедничаетъ, ни въ какой шалости не выдастъ.

На гимназическихъ балахъ Волока получаетъ съ „почты амура" записочки—„я васъ люблю, но страшною любовью", „о комъ вы мечтаете" и многое другое, но отвѣчать на такiя письма онъ не умѣетъ, хотя въ тетрадкѣ для нѣмецкихъ словъ аккуратнымъ почеркомъ записываетъ стихи, тетрадку прячетъ каждый вечеръ въ новое мѣсто, чтобы не нашли, а то умереть можно со стыда.

Въ гимназiи мальчики любятъ говорить гадости, открытки приносятъ неприличныя, на партахъ имена женскiя и вензеля вырѣзаютъ или нехорошiя слова. Волокѣ страшно всегда дѣлается отъ этихъ разговоровъ.

Онъ улыбается сочувственно, слушая хвастливые разсказы, а то задразнятъ, если замѣтятъ стыдный страхъ его.

По вечерамъ въ бѣлой рубашкѣ стоитъ въ постели на колѣняхъ и долго молится, цѣлуетъ темный кипарисный, такъ сладко пахнущiй образокъ Матери Божiей.

А вотъ недѣлю, какъ что-то случилось съ Волокой: сталъ плохо спать, и днемъ, навѣрно отъ безсонницы, голова туманная.

По русскому три съ минусомъ получилъ, чего никогда не бывало.

А кромѣ безсонницы, случилось вотъ еще что,—четыре дня подъ рядъ, возвращаясь изъ гимназiи, встрѣчалъ онъ «ее» и даже стиховъ больше сочинять не могъ.

Въ первый разъ увидѣвъ «ее», подумалъ сначала, что это Таня Знаменская, сестра его товарища, гимназистка пятаго класса; приготовился раскланяться и только шагахъ въ двухъ замѣтилъ, что опознался, смутился и покраснѣлъ.

А она, едва кося глазами изъ-подъ золотистыхъ густыхъ рѣсницъ, улыбнулась слегка его смущенiю. На Таню Знаменскую она дѣйствительно слегка похожа: такiя же кудряшки золотистыя, непокорно изъ подъ синенькой шапочки выбивающiяся, такой же носикъ, слегка курносый, задорный, глаза смѣющiеся, только губы краснѣе, и походка легче; толстушка Таня Знаменская ходитъ съ перевальцей, а эта худенькая, синiй костюмъ плотно облегаетъ, не идетъ, а будто танцуетъ и вотъ сейчасъ побѣжитъ, разовьются концы длиннаго синяго вуаля на шапочкѣ, какъ крылья, и взлетитъ она, взлетитъ къ синему—ахъ, какому не по-московски синему небу. Странныя встрѣчи и видѣнiя бываютъ весной въ этихъ извилистыхъ узкихъ переулочкахъ.

Впрочемъ съ этой-то ничего необычайнаго, пожалуй, и не было.

Мало ли въ Москвѣ такихъ барышенъ-подростковъ въ синенькихъ шапочкахъ съ бѣднымъ букетикомъ въ рукахъ или книжкой изъ Петровской библiотеки, и всѣ онѣ по-весеннему—загадочныя или только кажутся такими.

Но Волока, встрѣчаясь съ ней, опускалъ глаза, смущался, будто было что-то необычайное въ этой случайной встрѣчѣ или должно было случиться. И вотъ на пятый день и случилось...

Опустивъ глаза, Волока видѣлъ только тѣнь ея легкую на бѣлыхъ камняхъ тротуара и вдругъ услышалъ голосъ:

„Мальчикъ, вы не знаете, гдѣ Николо-Успенскiй переулокъ?"

Чувствуя, что сгораютъ щеки отъ румянца, и глаза застлались слезами, не могъ Волока объяснить гдѣ Николо-Успенскiй переулокъ, путался, бормоталъ, хотя зналъ хорошо—направо, потомъ налѣво, еще разъ налѣво, можно церковнымъ дворомъ, если калитка открыта.

А она смотрѣла на него безъ улыбки и безъ смущенiя, сдвигала золотистыя бровки, стараясь понять хорошенько путанныя объясненiя.

„Нѣтъ, я навѣрно заблужусь",—вдругъ засмѣялась она такъ просто и весело, что даже Волока сквозь слезы улыбнулся,—„навѣрно заблужусь. Можетъ быть, вы проводите меня, мальчикъ? Вѣдь это недалеко!"—и положила руку въ сѣрой перчаткѣ на рукавъ волокиной шинели.

„Пожалуйста, пожалуйста",—заторопился Волока и даже ножкой попытался шаркнуть, вѣжливый былъ онъ и услужливый.

Шли рядомъ. Изрѣдка она спрашивала что-нибудь, Волока отвѣчалъ, но не клеился разговоръ.

„Какъ хорошо, что весна. А вы изъ гимназiи идете?"

„Да, насъ сегодня распустили".

Потомъ молчали нѣсколько минутъ.

„Ну, вотъ и пришли", остановилась она у деревянныхъ воротъ. „Вотъ я и дома. Спасибо".

Волока опять покраснѣлъ, вдругъ понялъ, что прекрасно она знала дорогу, если домой шла.

„Мы наверху живемъ въ этомъ домѣ, вотъ по этой лѣстницѣ подняться и позвонить"—она открыла уже калитку и показывала куда итти.

„Можетъ быть, придете, мальчикъ, ко мнѣ въ гости завтра въ четыре часа".

Волока не успѣлъ отвѣтить, даже раскланяться, какъ уже хлопнула калитка и остался онъ одинъ въ пустомъ переулкѣ, а въ сосѣднемъ домѣ играли на скрипкѣ что-то нѣжное и печальное.

II.

Дверь Волокѣ она открыла сама. Сразу какъ-будто не узнала его, такое усталое, блѣдное лицо было у нея. Почему-то тяжело дышала, волосы сбились.

«А я думала, что вы не придете, мальчикъ. Я такъ устала, два часа занималась, дома никого нѣтъ».

«Я помѣшалъ вамъ, вы уроки учили».

«Я танцовала. Но я очень рада, что вы пришли. Танцовать я и при васъ могу».

Она ввела Волоку въ большую, свѣтлую комнату. Вытерла потъ со лба и на ходу у зеркала попудрила носъ.

На ней былъ смѣшной какой-то полосатый, короткiй и широкiй балахончикъ, затянутый у пояса зеленымъ шнуркомъ съ кистями, шея и руки выше локтя открытыя, на ногахъ тѣлеснаго цвѣта чулки и красныя безъ каблуковъ туфельки.

«Садитесь, пожалуйста»,—приглашала какъ взрослая дама, принимающая въ своей гостиной свѣтскаго визитера. Въ комнатѣ изъ всей мебели стояли только низкая мягкая тахта, покрытая голубымъ ковромъ со стертыми розами, круглый столъ у окна и пiанино съ отломанной крышкой.

Волока присѣлъ на край тахты. Сидѣть было неудобно,—ноги выше головы, и въ рукахъ онъ смущенно мялъ фуражку.

Навѣрно, очень смѣшной былъ видъ у него, такъ какъ хозяйка засмѣялась, выхватила изъ рукъ у него фуражку, перебросила ее черезъ всю комнату на столъ, а сама забралась на тахту съ ногами совсѣмъ рядомъ съ Волокой.

„Почему вы боитесь меня, мальчикъ, я не кусаюсь",—вдругъ спросила она, переставъ смѣяться, и опять тономъ взрослой дамы начала занимать.

„Дядюшка пошелъ сегодня въ гости. Вѣрно наклюкается опять такъ, что по лѣстницѣ на четверенькахъ ползти будетъ. Онъ смѣшной всегда пьяненькiй, только плакать начинаетъ—этого я не терплю. Сама никогда не плачу. Джонъ разъ меня хлыстомъ ударилъ изо всей силы, а я не заплакала. Квартира у насъ неважная,—по случаю нашли, да вѣдь черезъ мѣсяцъ мы въ Будапештъ уѣдемъ. Вы были когда-нибудь въ Будапештѣ?"—

„Нѣтъ, я не былъ",—робко отвѣтилъ Волока, туманилась голова, какъ утромъ когда заснуть не могъ, дядюшка на четверенькахъ, Джонъ съ хлыстомъ, Будапештъ—будто странный и соблазнительный сонъ онъ видѣлъ.

„Хотите мои карточки посмотрѣть",—спросила она и, порывшись гдѣ-то здѣсь же въ подушкахъ тахты, вѣеромъ раскинула передъ Волокой груду открытокъ.

Въ глазахъ у Волоки зарябило: вотъ она въ красной съ позументомъ юбочкѣ, голыя руки подняла надъ головой, машетъ тамбуриномъ, лицо будто безумное; вотъ мальчикомъ въ бѣломъ атласномъ костюмѣ, шляпа съ перомъ, и палецъ въ бѣлой перчаткѣ приложила къ губамъ, улыбается лукаво кому-то; вотъ вся въ зеленомъ газѣ окутанная, руки простерты, какъ крылья; и еще много, много на каждой открыткѣ новая, непохожая, и все та же, что тамъ въ переулкѣ въ синей шапочкѣ дѣвочка, похожая на Таню Знаменскую, гимназистку пятаго класса. А она заглядываетъ изъ-за Волокиной спины, касается иногда подбородкомъ плеча его и все что-то объясняетъ.

„Это я работала на бѣломъ Гарри. Горячая была лошадь, два раза чуть не убила меня, но я любила ее. Это пантомима у насъ шла „Розы Султана". А это..." Не покраснѣлъ, а поблѣднѣлъ Волока, дрожали руки, державшiя открытку.

Сплетясь ногами за шею какого-то красиваго господина во фракѣ, откинула она тѣло назадъ и улыбалась опрокинутымъ лицомъ робко и нѣжно; все тѣло было затянуто въ золотистое трико и казалось живымъ, обнаженнымъ тѣломъ

Съ ужасомъ вспомнилъ Волока непристойныя открытки, приносимыя въ классъ товарищами, не могъ глядѣть и не могъ бросить, смѣшать съ другими открытками, а она будто не замѣчая его волненiя, говорила.

„О это былъ замѣчательный номеръ—дѣвочка-змѣя назывался. Я сдѣлала на немъ себѣ имя. Самъ директоръ послѣ этого номера сталъ называть меня мадмуазель".

Она сама наконецъ вырвала открытку у Волоки изъ рукъ, смѣшала всѣ, собрала и спрятала. «Довольно, надоѣло. Чѣмъ же еще занимать васъ? сейчасъ танцовать буду». Она стояла на тахтѣ на колѣняхъ около Волоки, смотрѣла на него насмѣшливо, будто выжидая чего-то, вдругъ спросила совсѣмъ просто: «А вамъ не хотѣлось бы поцѣловать меня, мальчикъ?» и, не дожидаясь отвѣта вскочила, встала на цыпочкахъ по серединѣ комнаты и закружилась. Мелькали, развивались полосатый халатикъ и зеленыя кисти шнурка у пояса, то останавливаясь, нагибалась она и касалась запрокинутой головой пола, то, поднявшись на носки, плавно и важно проходила по комнатѣ, то опять и опять какъ вихрь кружилась, взмахивая руками, мелькали розовыя колѣни, края халатика задѣвали Волоку, то падала вдругъ ничкомъ, опять поднималась, изображала пантомиму, которую не понималъ Волока, но которая влекла его и томила. И такъ выразительны были ее движенiя, что казалось Волокѣ, что слышитъ онъ музыку, которая должна была бы сопровождать ея движенiя, то бурную, нестерпимо громкую музыку, то нѣжную еле слышную.

Вотъ, поднявъ руки, закружилась она, вскочила быстро, потомъ все медленнѣе, лицо поблѣднѣло, глаза закрыты «не могу больше» прошептали поблѣднѣвшiя губы, и однимъ взмахомъ она прыгнула на тахту.

Упала головой прямо на руки Волокѣ и нѣсколько секундъ лежала неподвижно, а онъ всѣмъ тѣломъ своимъ чувствовалъ, какъ горячо ее тѣло, какъ громко бьется сердце ея. Нѣсколько долгихъ секундъ застывшая тишина царила въ комнатѣ, ни одного шелеста, ни одного движенiя, и неподвижно солнце свѣтило весеннее, уже жаркое, сквозь толстыя занавѣски.

Наконецъ она пошевелилась, обернулась лицомъ къ Волокѣ, щеки опять розовыя, красныя губы улыбаются нѣжно и насмѣшливо, только глаза будто незрячiе какой-то легкой пленкой подернутые. «А вы не отвѣтили на мой вопросъ. Это даже невѣжливо...»

«Какой вопросъ?»—спросилъ Волока, забывшiй, правда, всѣ слова, всѣ вопросы.

«Вотъ какой»—она подняла руки, крѣпко схватила ими за шею Волоку и нагнула его голову къ себѣ. «Вотъ какой,—повторила она и поцѣловала не въ губы, а въ подбородокъ. И тогда уже самъ Волока вдругъ протянулъ губы трубочкой и слегка коснулся ея щеки. Чѣмъ то сладкимъ пахнуло на него, какъ тогда поцѣловалъ онъ кипарисовый темненькiй образокъ Божьей Матери. И на душѣ вдругъ стало также спокойно и тихо.

А она уже въ другомъ углу тахты стояла на колѣняхъ и грозила лукаво пальчикомъ «Вотъ вы какой, ну, смотрите»,—потомъ, помолчавъ, засмѣялась,—«вы совсѣмъ не настоящiй, игрушечный мальчикъ, какъ кукла. Я вами играть буду, умывать, причесывать, булочкой кормить, баюкать.» Она осторожно и ласково касалась волосъ Волокиныхъ, направляла боковой проборчикъ, потомъ, взявъ за ноги, слегка раскачивала, баюкала и уже не смѣялась, даже не улыбалась больше, будто думала о чемъ-то совсѣмъ другомъ, печальномъ.

Громко и отчетливо пробили часы гдѣ-то за стѣной, будто отъ сна пробудили.

Она встала, слегка потянулась, поправила сбившiеся кудри, опять попудрила носъ и сказала: «Ну, теперь уходите, мальчикъ, я переодѣнусь и въ церковь пойду. Вербочку сегодня принесу». Волока всталъ, помялся, хотѣлъ сказать что-то но она не обращала больше на него никакого вниманiя, напѣвая, что-то по комнатѣ отыскивала.

Волока вышелъ, хлопнула калитка, пусто было въ переулкѣ, и въ душѣ томительная пустота, туманилась голова, какъ послѣ утренней безсонницы, шелъ медленно и вяло, будто не зная, куда бредетъ, опять въ сосѣднемъ домѣ кто-то у открытаго окна игралъ на скрипкѣ печально и нѣжно.

Ахъ, эта несносная безсонница весенняя, послѣ которой цѣлый день туманится голова и не поймешь, гдѣ сонъ и гдѣ явь. Ахъ, эти соблазны весеннiе, такъ мучительно и безпощадно ранящiе сердца томными стрѣлами.

Нужно тщательнѣе занавѣшивать окна темными занавѣсками или принимать бромъ и вероналъ, а то замучаютъ истомятъ эти легкiе, призрачные весеннiе соблазны.

Сергѣй Ауслендеръ.

НА ПАСХѢ.

(Отрывокъ изъ повѣсти).

Пасха не рано была въ тотъ годъ. Въ сребророзовой дымкѣ
Вѣяла томно весна по лѣсамъ, и полямъ, и болотамъ.
Только въ ложбинахъ лежали пласты почернѣлаго снѣга.
Тамъ, гдѣ просохло, рыжѣла трава прошлогодняя... Брось-ка
Искру въ изсохшую траву: и взору, и сердцу отрада!
Мигомъ огонь полыхнетъ, побѣжитъ, задымится, завьется;
Синій, прозрачный дымокъ отъ земли подымется къ небу;
Въ синемъ, прозрачномъ дымкѣ замелькаетъ серебряный мѣсяцъ
Узкимъ, холоднымъ серпомъ, а немного лѣвѣе—Венера
Вспыхнетъ и взоромъ зеленымъ заглянетъ въ самое сердце...
Траву сухую сожгли, веснѣ помогая и смерти,
Только успѣй затоптать огонь, а не то подберется
Къ самымъ сараямъ, конюшнямъ... Бѣда!.. Ужъ и такъ отъ работы
Людъ православный совсѣмъ отсталъ за святую седьмицу.
Всю-то недѣлю гулялъ онъ, водилъ хороводы, да пѣсни
Пѣлъ, да съ большой колокольни долдонилъ цѣлыми днями...
Въ толстой церковной стѣнѣ крутая лѣстница вьется,
Сорокъ истертыхъ ступеней изъ мрака выводятъ на воздухъ.
Сорокъ ступеней пройди—и звони надъ весеннимъ раздольемъ,
Радуйся вольному вѣтру да глохни отъ мѣднаго рева!
Рѣдкій мужикъ не сходилъ позвонить на пасхальной недѣлѣ:
Развѣ что самый больной, да столѣтній Димитрій, который
Шведа подъ Нарвою билъ. А всѣ другіе ходили.
Даже Андреичъ, бурмистръ, и тотъ, несмотря на дородность,
На колокольню взобрался и, на руки плюнувъ трикратно,
Крѣпко взялся за веревки—и бумъ, бумъ, бумъ—въ самый тяжелый
Колоколъ грянулъ. Но скоро усталъ и долой съ колокольни,
Потъ утирая, пошелъ. Казачекъ же господскій Никитка,
Свѣчку поднявъ высоко, спускался за нимъ осторожно
Даже мусью де-ла-Рошъ пришелъ съ молодыми князьями,
Съ Павломъ Андреичемъ да Николаемъ Андреичемъ. Самъ-то
Влѣзть онъ не могъ, но князей отпустилъ. Разставивши ноги
Въ шелковыхъ черныхъ чулкахъ и снявъ треуголку, закинулъ
Голову кверху французъ—и видѣлъ зеленое небо,
Синюю маковку церкви, Венеру, встающую слѣва,—
И непостижною грустью сжималось дряхлое сердце.
Но отзвонили князья; сойдя съ колокольни, обѣдать
Къ барскому дому бѣгутъ сырыми дорожками парка;
Молча за ними бредетъ французъ, опираясь на палку,
Прудъ небольшой огибая—и видя: на островѣ кругломъ
Мраморный бѣлый Амуръ свой мраморный лукъ напрягаетъ,
Въ предвечернюю синь вонзивъ позлащенную стрѣлку...

Владиславъ Ходасевичъ.

ЗАВОЕВАНІЯ.

Лѣнивый недвига-поѣздъ, наконецъ, притащилъ демобилизованнаго Спирина въ Москву.

— Васька изъ третьяго батальона, говорятъ, въ комиссарахъ!.. Чудеса!..— радостно ухмылялся на ходу Спиринъ, держа съ вокзала курсъ на дядину квартиру.

Ваську изъ третьяго батальона Спиринъ не уважалъ и не любилъ; но то, что даже Васька вышелъ въ люди для него было очень показательно въ смыслѣ его личной дальнѣйшей судьбы.

Дядя Спирина жилъ во дворѣ, заваленномъ пирамидами битаго камня, похожаго издали на кучки нюхательнаго табаку.

Сорвавъ второпяхъ кусокъ клеенки съ колодверной ручки, Спиринъ сразу очутился въ центрѣ дядиной жизни, у самаго кухоннаго шестка.

Дядя, какъ насѣдка при видѣ крапивы, разсмотрѣвъ въ вошедшемъ племянника, началъ метаться, клохтать не то радостно, не то испуганно. Потомъ сразу успокоился, обрѣтя нужную линію поведенія: всталъ на лавку и осторожно вынулъ изъ рѣзного некрашеннаго шкапчика наполовину отпитую бутылку.

Сѣли. И Спиринъ, опьяненный такъ быстро наладившимся уютомъ, поразилъ не знавшаго за нимъ ораторскихъ способностей дядю. Тотъ только волосами вскидывалъ при каждой занозистой фразѣ племянника, точно ему вѣтромъ въ лобъ дуло.

— Такъ-то, дядька! Было освобожденіе крестьянъ, теперь освобожденіе рабочаго!..—закончилъ Спиринъ, видя, что слушатель потускнѣлъ, явно утомленный.

— Ты какъ, при деньгахъ?—осторожно освѣдомился дядя, косясь на бутылку.

Спирину почудилось въ этихъ словахъ скрытое желаніе кольнуть его.

— Денегъ, дяденька, у меня нѣтъ. И у васъ не попрошу. Сознательному рабочему деньги—тьфу!... Сознательный понимаетъ, что онъ всему хозяинъ: фонарь на улицѣ, вокзалъ или тамъ дума городская—для него все единственно, какъ своя рубаха на тѣлѣ... Въ первую дверь войду: на мои руки, давай работу! Пролетаріатъ завоевалъ...

Дядя вздохнулъ.

— Опять же голова у меня...

— Главное—глотка у тебя проснулась,—замѣтилъ родственникъ.— Прежде молчалъ ты.

Взвизгнувъ дверными блоками, Спиринъ ушелъ.

Черезъ полчаса онъ стоялъ въ какомъ-то залѣ, густо уставленномъ столиками съ пыхтящими машинами, ловилъ пробѣгавшихъ мимо него служащихъ широкимъ зловѣщимъ словомъ „товарищъ"... и ушелъ, узнавъ только, что работа—понятіе растяжимое, что надо самому уяснить себѣ чего, именно, просить.

Когда Спиринъ ѣхалъ въ поѣздѣ, когда сидѣлъ у дяди, слово „работа" казалось ему такимъ выпуклымъ, совершенно не требующимъ поясненія. Казалось, что у этого слова—какая-то своя волнующая сердцевина, что незримымъ токомъ должны соединяться люди, говорящіе о рабо тѣ!...

Пошли тяжелые дни.

Спиринъ ходилъ. А дядя уже единъ усаживался за бутылку и въ сторону племянника посылалъ краткія шифрованныя фразы.

—Всѣхъ странъ пролетаріи.... Посчитаешь сколько на ерется ихъ!... А рамокъ въ бутылкѣ—пустякъ.. Эхъ!..

Подъ вечеръ какъ-то встрѣтилъ Спиринъ на бульварѣ землячка.

Землякъ, веселый и розовый, а кожа на лицѣ лупленная.

—Банщикъ—массажистъ я. А это отъ пара,—колупнулъ онъ себя пальцемъ по щекѣ.

Спиринъ хотѣлъ было прощаться, но какъ-то машинально сострилъ:

—А пухнешь тоже отъ пару?

—Жизнь ничего себѣ!—разсмѣялся бѣлозубымъ ртомъ землякъ,—только маятно постомъ. Каждый норовитъ хоть снаружи почище быть!...

И хлопнулъ Спирина по плечу.

—Такъ, небось, зря сапоги трешь? Приходи завтра съ утра: около меня самая наука!...

Спиринъ пришелъ.

Землякъ, голый, въ аккуратномъ передникѣ, щелкалъ согнутыми ладонями по чьему-то студенистому тѣлу.

—Погорячѣй наподди!—кивнулъ онъ на облѣпленныя мыломъ шайки.

Спиринъ началъ бѣгать къ кранамъ.

Земляку онъ говорилъ уже „вы", ощущая при этомъ робость ассистента передъ знаменитымъ профессоромъ.

Землякъ иногда отрывисто пояснялъ свои манипуляціи надъ массируемымъ тѣломъ.

— Слушай... этотъ, что сейчасъ у меня подъ рукой, завсегда спитъ, какъ лопатки начнешь ему охаживать.... Вотъ пощупай, какой у него жевлакъ на колѣнкѣ!... Ишь, какъ кисе ь!... Каждый разъ разминаю, чтобы не затвердѣлъ.

Спиринъ осторожно потрогалъ опухоль и вдругъ неожиданно для себя провелъ мякишемъ пальца вдоль икры лежавшаго.

Кл нтъ сладко чмокнулъ во снѣ языкомъ.

— Опять дѣло!—засмѣялся землякъ!— Ну, ты его аккуратненько по ребрамъ пощекочи, а я выбѣгу покурить!

Прильнувъ руками къ атласной, паромъ исходящей, кожѣ, Спиринъ принялся за работу.

Легкія съ виду движенія быстро утомляли.

Паръ обволакивалъ и липнулъ, и вязко становилось на душѣ.

Двое на сосѣдней лавкѣ спорили. Одинъ гулко и громко:

— Завоеванія пролетаріата....

Качая въ тактъ работѣ головой, Спиринъ видѣлъ только небольшую часть спины, покрытой мелкимъ бисеромъ испарины. И думалось ему, что эту безконечную спину можно пымыть только къ вечеру и тогда самому свалиться куда-нибудь въ уголъ отъ усталости.

— Завоеванія пролетаріата....— неожиданно громко ухнулъ спорящій.

Спиринъ поднялъ злое лицо.

— Тише, черти!... Не видите: баринъ спитъ!

Мих. Денисовъ.

Любовь Аполлона Григорьева.

(По поводу выхода матеріаловъ для біографіи, изд. Акад. Наукъ).

Въ предсмертномъ автобіографическомъ наброскѣ Ап. Григорьевъ писалъ: «Въ 1857 году выдался случай ѣхать за границу. Тамъ я ничего не писалъ, а только думалъ. Результатомъ думы были статьи «Русскаго Слова» въ 1859 году.

Возвратъ вообще былъ блистательный. Сейчасъ же готовились выдать патентъ на званіе оберъ-критика. Некрасовъ купилъ у меня разомъ: 1) Venezia la bella, 2) «Партизану» Байрона и 3) «Сонъ» въ его будущее изданіе Шекспира».

И, дѣйствительно, венеціанская поэма Ап. Григорьева появилась незамедлительно въ 72 томѣ Современника (декабрь, 1858 г.).

«Venezia la bella» — лирическая поэма. Ея тема—безотрадная, безнадежная и мученическая любовь. Объ этой, по-истинѣ, роковой и трагической любви своей, отъ которой черная тѣнь легла на всю его жизнь, отъ которой онъ судорожно извивался, какъ на пылающемъ кострѣ, Ап. Григорьевъ повѣдалъ намъ здѣсь съ поразительной искренностью. Ясно, до какой степени это чувство опредѣлило всю жизнь поэта и критика, заставило «прожигать» ее, какъ оно толкало его на безумные поступки, и, если нигдѣ больше Ап. Григорьевъ не раскрываетъ себя съ такой полнотой, серьезностью и довѣріемъ, то эта поэма является центральной, наиболѣе притягательной для сопереживанія внутренняго Аполлона Григорьева, его тайная тайныхъ. И къ тому же эта душевная и сердечная исповѣдь поднимается до мистическаго обобщенія, до созданія образа женщины, которая твердитъ ему:

> Я та же, та же
> Твоя звѣзда въ далекой вышинѣ,
> Твой стражъ крылатый и твое творенье,
> Твой вздохъ въ толпѣ, твой вопль наединѣ,
> Твоя молитва и твое сомнѣнье...

Доподлиннаго, фактическаго намъ почти ничего неизвѣстно объ этой злополучной страсти Ап. Григорьева. Сынъ его глухо говоритъ намъ, что женитьба отца на Лидіи Федоровнѣ Коршъ была неудачной, ибо по самой натурѣ своей Аполлонъ Александровичъ не былъ склоненъ къ семейной жизни. «Для одной только женщины въ мірѣ могъ бы я изъ бродяги-безсемейника, кочевника, обратиться въ почтеннаго и, можетъ быть (чего не можетъ быть?), въ нравственнаго мѣщанина,—замѣчаетъ Ап. Григорьевъ въ одномъ изъ своихъ писемъ.—Къ несчастію, женщиной этой не была Лидія Федоровна...»

«У самого Аполлона Александровича,—говоритъ дальше Григорьевъ-сынъ,—была страсть, и притомъ несчастная, къ другой женщинѣ; эта страсть не покидала его до конца жизни. Неизвѣстно, что именно помѣшало его сближенію съ любимой женщиной, но воспоминанія о ней сохранились у него на всю жизнь. Прочтите его «Борьбу», прочтите его «Venezia la bella», о которой онъ тоже потомъ вспоминалъ:

> Да! было время... Я иной
> Любилъ любовью; образъ той
> Въ моей „Venezia la bella"
> Похороненъ; была чиста,
> Какъ небо, страсть и пѣсня та—
> Молитва: Ave Maria stella!
>
> Чтобъ снова мигъ тотъ пережить
> Той чистой страсти, чтобъ вкусить
> И счастье мукъ, и муки счастья,
> Безъ сожалѣнья бъ отдалъ я
> Остатокъ бѣдный бытія
> И всѣ соблазны сладострастья.

Въ сонетѣ, написанномъ при окончаніи перевода «Ромео и Джульетты», онъ снова вспоминаетъ о ней, говоря:

> И все же ты, далекій призракъ мой,
> Въ твоей бывалой, дѣвственной святынѣ,
> Передъ очами духа всталъ нѣмой
> Карающій и гнѣвно-скорбный нынѣ,
> Когда я трудъ завѣтный кончилъ свой.
> Ты молніей сверкнулъ въ глухой пустынѣ
> Больной души... Ты чистою струей
> Протекъ внезапно по сердечной тинѣ,
> Гармоніей святого вторгся въ слухъ,
> Потрясъ въ душѣ сѣдалища Ваала—
> И все, на что насильно былъ я глухъ,
> По ржавымъ струнамъ сердца пробѣжало
> И унеслось—„куда мой падшій духъ
> Не досягнетъ" въ обитель идеала.

Про эту же любовь онъ говоритъ и въ своихъ письмахъ: «Вѣдь, любила же она меня, т.-е. знала, что я ее всю понимаю, что только я ей всей молюсь, только я на всѣ вопросы ея души отвѣчу... О, проклятое, нравственно сметанное начало въ ея крови, проклятая смѣсь глубокой страстности съ разсчетливой холодностью!»

«Откровенно сказать: чего я съ собой не дѣлалъ, какихъ подлостей не позволялъ я себѣ въ отношеніи къ женщинамъ, какъ-будто бы вымещая имъ всѣмъ за проклятую пуританскую или кальвинистскую чистоту одной,— и ничего не помогло: даже развеселить меня ни одной не удавалось... Я иногда люблю ее до низости, до самоуниженія...»

«Зачѣмъ хочу я намѣренно набросить тѣнь насмѣшки на то, что было свято, какъ молитва, полно, какъ жизнь, въ чемъ сливалась и вѣра въ борьбу, на чемъ выросла и окрѣпла религія свободы» *).

Такова была любовь. А каково было нравственное состояніе Ап. Григорьева, до какого скорбнаго отчаянія доходилъ онъ, объ этомъ онъ признается въ письмахъ къ Н. Н. Страхову изъ Оренбурга въ 1862 году: «Знаешь ли? Я даже насильственно заглушалъ самыя свѣтлыя воспоминанія,—и когда порой подъ аккорды гитары вставали они въ душѣ, все такія же свѣтлыя, не потерявшія никакихъ своихъ правъ надъ душою—мнѣ становилось страшно... и я чувствовалъ, что, увы! одно только глубокое, болѣзненное сожалѣніе приковываетъ меня къ моему настоящему міру, лишенному всякаго разумнаго и нравственнаго значенія».

Личная жизнь потеряла для Ап. Григорьева всякое разумное и нравственное значеніе. Значитъ, только эта любовь придавала ей такое значеніе. Значитъ, все творчество Ап. Григорьева, его смыслъ и радость, питались этой любовью. Оттого поэма «Venezia la bella», какъ исповѣдное признаніе, стоитъ, такъ сказать, въ психологическомъ центрѣ его писаній, т.-е. онъ такъ говоритъ про эту любовь:

> ...Го было бездны смутное стремленье
> Создать свой центръ, найти опредѣленье.

Черезъ эту любовь Ап. Григорьевъ опредѣлилъ самого себя, нашелъ самого себя, и вотъ

> Душевный міръ замкнутъ и завершенъ:
> Не темная имъ правитъ больше сила,
> А стройно, мѣрно двигается онъ
> Вокругъ животворящаго свѣтила.

Любовь дала Ап. Григорьеву и основную идею его міропониманія:

> О, не зови мечтаніемъ безумнымъ
> Того что сердцу опытомъ далось!
> Едва-ль не все, что названо разумнымъ
> Родилася сначала въ царствѣ грезъ—

зарія мысли въ творческой грезѣ... Отсюда вѣра Ап. Григорьева въ силу своей любви, своей страсти, своего призыва. Онъ писалъ Н. Н. Страхову изъ Оренбурга 20 марта 1862 г.:

«Ну, съ чего же начать? Съ той ли казенной фразы, что сердце у меня все разбито? Глупо!.. Очевиднѣе и проще то, что виски мои побѣлѣли, что въ бородѣ прибавились двѣ новыхъ бѣлыхъ нитки... Да, и это, собственно, къ чему я говорю? Ты достаточно вызналъ меня въ послѣднія минуты моего житія въ Петербургѣ... Все прежнее—нелѣпо, пьяно и нескладно, но я тебѣ тогда разсказывалъ... Напрасно не послушалъ ты меня тогда, когда я говорилъ тебѣ: Geh und bete! Можетъ быть, стѣна бы и разверзлась!»

Ни имена, ни обстоятельства намъ неизвѣстны. Но «Venezia la bella», можно сказать, вплотную подводитъ насъ къ внутренней сторонѣ сердечной исторіи Ап. Григорьева, и рисуетъ намъ какъ бы идеальный образъ его любимой женщины, который былъ для него, какъ молодость, какъ свѣтъ, какъ благоуханіе, и почти даетъ намъ возможность представить себѣ эту любовь. Venezia la bella вводитъ въ глубину душевнаго міра Ап. Григорьева, а въ этой глубинѣ мы прозрѣваемъ корни цѣлаго его міросозерцанія, потомъ только облѣченнаго ученіемъ Шеллинга, по которому началомъ всего есть жизнь.

Поэма «Борьба», болѣе живая, болѣе страстная, какъ бы кипитъ бѣлизною чувства, которое еще пылаетъ во всемъ разгарѣ (примѣчательно, что эта поэма начата въ самый годъ женитьбы Ап. Григорьева). Въ ней и любимая женщина рисуется ближе, человѣчнѣе, какъ «таинственная звѣзда» и какъ «Евы лукавая дочь». Вспомнимъ ту характеристику неотвязнаго образа, которую даетъ Ап. Григорьевъ въ письмахъ изъ Италіи («Эпоха», 1865 г., № 2): «Неужели же мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ нигдѣ и ни въ чемъ успокоенія? А возможность его была! Вотъ вѣдь почему мой коварный и вмѣстѣ нѣжный другъ—я не могу разстаться съ неотвязнымъ образомъ, хотя вы меня за это и браните. Это былъ мой искомый алгебраическій X, моя Мадонна, Мадонна мурильевской манеры. Мнѣ все въ ней было мило, отъ ея глубины и простоты пониманія до ея античности и холодности. Я вѣдь не говорю, что она—совершенство, а говорю только, что она была создана совсѣмъ по мнѣ—равно какъ и я созданъ былъ совсѣмъ по ней. Безъ меня—она должна со временемъ обратиться въ запись ея покойнаго отца или въ raideur maniaque ея матери. Къ тому и другому есть въ ней равное количество данныхъ, какъ въ первоначальной Мадоннѣ Сіенской школы есть залоги и глупо-сонно добродушной Мадонны Фра Беато Анджелино и деревянной Мадонны позднѣйшихъ мастеровъ Сіенны».

И поэма «Борьба» болѣе жизненными или житейскими чертами дорисовываетъ тотъ уже перевоплотившійся въ отдаленности и воспоминаніяхъ женскій образъ, который сіяетъ въ Venezia la bella, и самое чувство острѣе и непосредственнѣе, безъ созерцательной углубленности, выражено въ восемнадцати стихотвореніяхъ второй поэмы.

Н. Н. Русовъ.

*) А. А. Григорьевъ. Одинокій критикъ. Книжки „Недѣли". Сентябрь 1895 г. стр. 61—62—64. Точь-въ-точь тѣ же самые стихотворные отрывки приведены въ статьѣ Дм. Аверкіева, объ Ап. Григорьевѣ въ „Эпохѣ", за 1864 г. № 8, стр. 13—14.

ГАЗЭЛЛА.

Пой, созвѣздій стройный хоръ: «Христосъ воскресъ!»
Возгремите, нѣдра горъ: «Христосъ воскресъ!»

Вѣсть, о Шаръ изъ миртъ и зелени, Земля,
Къ Солнцу мчи во весь опоръ: «Христосъ воскресъ!»

Въ твердь продлите, люди, радуги гирляндъ,—
Агнцу жертвенный уборъ: «Христосъ воскресъ!»

Розы Тайной лепестки!—людскія «я»,
Лейте нардъ изъ алыхъ норъ: «Христосъ воскресъ!»

Громче, громче да подъемлемъ Пѣснь Цвѣтовъ:—
«Выпивъ блѣдный смерти взоръ, Христосъ воскресъ!»

Влага! Огнь! и звѣрь! и вихрь! всѣхъ тварей гласъ—
Рви восторженно Просторъ: «Христосъ воскресъ!»

Въ Твердь, какъ въ зеркало, вглядись же, Сынъ Земли
И воспой, о Антидоръ: «Христосъ воскресъ!»

Викторъ Патинъ.

ВОЖДИ и НАРОДЪ.

Центръ Москвы.

Небольшая, многоугольная протянувшая отъ себя во всѣ стороны, какъ осьминогъ, длинныя улицы, Страстная площадь.

Въ одномъ углу площади виднѣется входъ на Тверской бульваръ.

Въ самомъ началѣ бульвара, очень высоко, выше деревьевъ, на безпредѣльно-широкомъ фонѣ синяго неба четко вырисовывается совершенно черный, какъ уголь, памятникъ; колоссальный гранитный массивъ, формой похожій на творожную пасху, и на немъ, въ своей любимой, величественно-задумчивой позѣ, фигура Пушкина во весь ростъ, въ длинномъ пальто, безъ шляпы.

Спереди, со стороны площади, на памятникъ напираетъ одной сплошной массой тысячная толпа, вся съ неподвижными, поднятыми на Пушкина лицами. Стрѣлка часовъ на колокольнѣ Страстного монастыря показываетъ четыре, и весеннее, спокойно пригрѣвающее солнце кладетъ на лица всѣхъ собравшихся, съ одной только западной стороны, одинаковыя золотыя ват

Идетъ народный митингъ, Богъ знаетъ, когда начатый: вчера, недѣлю или мѣсяцъ тому назадъ. И все это время въ народѣ передъ трибуной, какъ въ церкви передъ плащаницей, происходятъ два встрѣчныхъ теченія: одни уходятъ, другіе приходятъ.

Точно на состязаніи, одинъ, смѣняя другого, здѣсь выступаютъ лучшіе партійные ораторы...

— Имперіализмъ!.. Квалификація!.. Синекура!.. Реваншъ!.. Концентрированъ!.. Абсентеизмъ!.. Конфедерація!.. Референдумъ!.. Маразмъ!.. Секуляризація!.. Центробѣжно!.. Анахронизмъ!.. Предпосылка!.. Суверенитетъ!.. Периферія!.. Квіэтизмъ!.. Сакраментальныя!.. Laisser passer!.. Катаклизма!.. Товарищи-арбочіе, крестьяне и солдаты, правильно я говорю?

Народъ, пораженный неслыханной плавностью и безостановочностью рѣчи, влюбленными глазами глядитъ на своего вождя и радостно и мощно отвѣчаетъ, словно выдыхаетъ одной грудью:

— Правильно! Правильно!

Въ то же время видно, какъ въ разныхъ мѣстахъ толпы отдѣльныя человѣческія фигуры, съ выраженіемъ досады на лицахъ, поворачиваются къ оратору спиной и, продираясь сквозь тѣсноту, уходятъ.

— Что онъ можетъ знать, молокососъ?—произноситъ высокій сухой старикъ, уходя.—Нахватался словъ! Я бы взялъ его, задралъ подолъ, да по системѣ Гоголя всыпалъ по положенію!

— Да, конечно,—слѣдуя за нимъ, шепчетъ маленькая полная дама съ раскраснѣвшимся отъ испуга лицомъ.—Подкупили ихъ, они и стараются.

— И чего бабы лѣзутъ сюда со своими языками?—оборачивается къ ней пожилой рабочій съ такой гримасой на морщинистомъ лицѣ, точно у него болитъ животъ.

Извозчики, подъѣхавшіе было къ краю толпы послушать, тоже одинъ за другимъ разочарованно разъѣзжаются.

— Ничего хорошаго нѣтъ. Даромъ сѣдоку отказалъ. Каждый день тутъ стою, жду, можетъ скажутъ что-нибудь хорошее. Трепачи...

На ихъ мѣстахъ тотчасъ же появляются другіе, безшумно вклинивая кроткія лошадиныя морды между головами людей

~~~

Только меньшинству народа удается слушать партійныхъ ораторовъ. Большинство же, будучи не въ силахъ протѣсниться поближе къ трибунѣ, разбивается на множество вольныхъ, самостоятельно бесѣдующихъ кучекъ.

Кучки темнѣютъ тутъ, тамъ, вездѣ, сколько глазъ видитъ. Онѣ захватываютъ собой, съ одной стороны, часть Страстной площади, съ другой,—добрую половину Тверского бульвара, и всѣ вмѣстѣ производятъ впечатлѣніе большого пасхальнаго гулянья. Не хватаетъ только музыки съ бухающимъ барабаномъ и кружащейся на солнцѣ карусели. И многимъ, очень многимъ, видно, больше всего нравится тутъ именно это многолюдіе, эта праздничность, и они чувствуютъ себя въ этой толчеѣ, какъ сыръ въ маслѣ, съ россійской медлительностью похаживаютъ среди кучекъ, ни къ одной не приставая, или, сложивъ руки на животѣ, просто сидятъ на садовой скамьѣ и безпричинно сіяютъ, ни отъ кого и ничего болѣе не требуя.

Всѣ кучки на видъ одинаковы, въ каждой люди стоятъ, какъ овцы въ степи въ жару: неподвижно, тѣсно, високъ къ виску; и слушаютъ того, кто находится въ серединѣ.

— Обождите,—говоритъ перебивающимъ его людямъ солдатъ-окопникъ, уже въ который разъ черпаетъ горстью со лба потъ и продолжаетъ докладывать своей кучкѣ:—стрѣльбѣ активныхъ не бываетъ. Дисциплина есть и лучше какъ была, не изъ-подъ палки, а на довѣріи къ начальникамъ и уваженіи къ товарищамъ. Офицеры сейчасъ очень хорошо соединились съ нами, обращаются мягко, прежнихъ оскробленіевъ нѣтъ, а мы ихъ все-таки не слушаемъ. Вотъ я и говорю: говорятъ, дадена свобода, а если разобраться, то немножко неловко дадена, народъ сталъ распускаться. У васъ тутъ много говорятъ, какъ намъ спасти нашу Расею и удержать свободу. Къ этому путь одинъ: надо помогнуть фронту. А чѣмъ же ему помогнуть? Живой силой, людями. Безъ сильныхъ лизервовъ воевать нельзя. И вотъ я пріѣхалъ просить у васъ лизервовъ. Товарищи-москвичи и всѣ вообще русскіе люди, прошу васъ и умоляю, дайте лизервовъ!

— Долой!—злобно прерываетъ его другой солдатъ, по виду тыловой.—Мало побили людей, такъ тебѣ еще подавай!

— Стой, товарищъ, обожди, а какъ же мы сдѣлаемся съ войной?—спокойно обращается къ нему окопникъ и дѣлаетъ знакъ рукой кучкѣ, чтобы всѣ молчали.

— Войну надо замирать и болѣ нѣтъ ничего!

— А какъ же ее замирить? Болтать все можно. А какъ сдѣлать?

— Общимъ согласіемъ воюющихъ державъ! Пущай Англія и Франція объявятъ, что не желаютъ ни аннексій, ни контрибуцій!

— А почему этого не объявляетъ Германія?—при напряженномъ вниманіи всѣхъ, спрашиваетъ окопникъ.

— Потому что въ ее палятъ!—запыхаясь, кричитъ тыловой и продолжаетъ, озираясь вокругъ:—И чѣмъ убивать своихъ братьевъ, германскихъ рабочихъ и крестьянъ, лучше эти штыки оборотить въ нашихъ буржуазистовъ, которые, вонъ они тутъ стоятъ, собравшись, въ шляпахъ!

— Въ комиссаріатъ его!—кричатъ въ кучкѣ, заносятъ вверхъ руки и съ перекошенными лицами пробиваются къ солдату.—Въ комиссаріатъ! Свѣтъ рознь! Натравливаетъ на своихъ!

— Это не его слова, это ему напѣли!

И тылового солдата всей кучкой, какъ муравьи жука, волокутъ въ комиссаріатъ. Онъ сопротивляется, раскорячивается, кряхтитъ, хватается по пути за деревья, за скамьи, его отдираютъ, онъ кусается, кого за руку, кого за ухо.

На мѣстѣ ушедшей кучки моментально возникаетъ другая. Въ ней, какъ впрочемъ и во всѣхъ, двое горячо спорятъ между собой.

— Нѣтъ, если бы вы получали меньше рабочаго, вы бы такой костюмъ не носили!—горячится рабочій, у котораго все замасленное: и платье, и картузъ, и лицо.—Вашъ костюмъ стоитъ 150 рублей, а мой 30!

— Ничего подобнаго!—старается перекричать его интеллигентъ.—Это невѣрно!

— Ну, сколько стоитъ этотъ пиджакъ?—щупаетъ рабочій матеріалъ интеллигента.—А эти штаны?—щиплетъ онъ интеллигента за ногу.—А шляпа?—стаскиваетъ онъ съ головы того, какъ съ куста, шляпу, выворачиваетъ подкладку и читаетъ, какой фирмы.

— А ваши сапоги сколько стоютъ?—мстительно щурится на сапоги рабочаго интеллигентъ и проситъ его поднять ногу, чтобы посмотрѣть, какой товаръ.

Рабочій падаетъ обѣими руками на чужія плечи и, какъ лошадь, которую подковываютъ, задираетъ, подметкой вверхъ, правую ногу.

И вся кучка смотритъ, щупаетъ, оцѣниваетъ товаръ.

— Я зато 12 лѣтъ учился!—восклицаетъ побѣжденный интеллигентъ, съ горящими ушами.

— И я бы учился, да не давали! Я вотъ чему учился: видите, на рукахъ мозоли? Я работалъ!

— А у меня на мозгахъ мозоли! Потому что я тоже работаю, только умственную работу!

— Служащіе сейчасъ въ худшихъ условіяхъ, чѣмъ рабочіе,—осторожно ввязывается въ ихъ споръ дама и задыхается отъ волненія.

— Вы вотъ, мадамъ, такое говорите, а сами въ шляпкѣ ходите!

— Я ее сама сдѣлала! Она у меня пятый годъ!

— Да! «Сама».

— Не вѣрите? На-те, сниму, смотрите, тутъ проволочка, тутъ лоскуты матеріи, тутъ вата набита, могу распороть...

— А чулки? А бѣлье на васъ какое? А дома кушаете что? На первое блюдо что? На второе? Сладкое бываетъ?

Направляясь домой, видно по бульвару, устало идутъ двѣ бабы въ ситцевыхъ платочкахъ и мужикъ, съ дворницкимъ картузомъ въ рукахъ, съ густыми волосами, торчащими вокругъ всей головы, какъ юбка балерины.

— «Долой!» «долой!» а на счетъ чего, кто его знаетъ,—разсказываетъ о своихъ впечатлѣніяхъ одна изъ нихъ.—Одинъ говоритъ надо войну кончать, другой—буржуазію грабить. Одинъ зоветъ на городскіе склады оборока разбирать.

— Вотъ это бы лучше,—ухмыляясь, ворчитъ ея спутница.—А то выходятъ подъ памятникъ и треплютъ языками, не знамо что.

— Это жиды,—увѣренно говоритъ мужикъ.—Сколько было знаменъ на демонстраціи, на нихъ всякія надписи и картины, а Спасителя ни на одномъ! Почему? Потому что жиды! Что же вы думаете, они за насъ что ли потянутъ? Первые наши враги!

Они пріостанавливаются возлѣ громадной кучки, слушающей балтійскаго матроса.

— Товарищи, у васъ тутъ говорятъ объ томъ, объ другомъ,—кричитъ матросъ, держа передъ собой въ одной рукѣ записную книжку, въ другой карандашъ.—А никто не говоритъ объ томъ, объ чемъ надо! Вотъ у меня тутъ записано: если у богачей и казны забрать всѣ деньги и подѣлить между народомъ для общаго фабричнаго строю, тогда каждому человѣку придется по 40 тысячъ чистаго капиталу, и никому не надо будетъ работать, потому если аккуратно себя держать, я думаю, 40 тысячъ хватитъ прожить жизнь! Это по исторіи такъ! Тутъ у меня записано!

— Вотъ это къ дѣлу,—весело подмаргиваетъ своимъ бабамъ мужикъ, и всѣ они, съ округлившимися глазами, протискиваются къ матросу.

— Про что матросъ говоритъ?—спрашиваетъ у кучки прохожій.

— Экономическій вопросъ разбираетъ.

— А Митенька тутъ?—переходя отъ кучки къ кучкѣ, справляются двѣ маленькія, одинаковаго роста, старушки, обѣ одѣтыя въ постное, черное, какъ монашки.

— Какого вамъ Митеньку? Здѣсь, бабушка, митинги!

— Ну, да, значитъ здѣсь,—говоритъ одна изъ нихъ.—Его намъ и надо, Митеньку, братца. Всѣ, говорятъ, ходятъ сюда на Митеньку, вотъ и мы собрались, а то братца Иванушку Колосова слыхали, а Митеньку сроду не слыхивали. Значитъ, здѣсь онъ, здѣсь любезный, здѣсь братецъ нашъ дорогой, Митенька.

— А отъ германскихъ пуль здѣсь заговариваютъ?—освѣдомляется другая, щурясь отъ солнца, и на всякій случай нащупываетъ въ карманѣ деньги.—А то братецъ Иванушка Колосковъ которыхъ заговорилъ, тѣ всѣ живые съ фронта явились: пуль нѣмецкихъ полная одежа, а тѣло цѣлехонькое. У насъ сыновья на фронтѣ...

Кучками быстро проходитъ, страстно прижимаясь къ своей спутницѣ, молодой прапорщикъ и говоритъ:

— Знаю, знаю, ты охладѣла ко мнѣ, потому что солдаты не отдаютъ мнѣ чести! Милая, умоляю тебя, не бросай меня, старый режимъ еще вернется.

Къ исчезающему въ толпѣ прапорщику присматриваются отъ одной кучки двѣ молоденькія барышни, одна блондинка, остриженная, въ глубокой шляпкѣ колокольчикомъ, другая брюнетка, съ двумя длинными косами и въ [illegible]енькой шляпочкѣ, придающей ей [illegible] татарочки.

— Смотри, смотри на того прапорщика!—восклицаетъ брюнетка.—Какъ онъ похожъ на моего! Такіе же усы, такое же все. Такъ бы и поцѣловала.

— Дура я, дура,—спустя нѣкоторое время, вздыхаетъ блондинка.—Мнѣ до революціи дѣлалъ одинъ предложеніе. Такой ораторъ, такой ораторъ! А я отказала ему, побоялась, что онъ политическій. А теперь онъ вездѣ выступаетъ, навѣрное, скоро будетъ губернаторомъ. Дура я, дура.

— Нюшка,—жалуется брюнетка.—Почему это такъ долго никого не тащатъ въ комиссаріатъ? Скучно стоять, больше полчаса стоимъ, и никого не тащатъ, только ругаются, уже ноги закоченѣли ждать. Того солдата интересно тащили, онъ одному палецъ откусилъ. Если черезъ пять минутъ никого не потащатъ, пойдемъ домой.

— Въ посланіи къ галатамъ, глава первая, стихъ четвертый, сказано такъ,—сладкорѣчиво возглашаетъ монахъ, бородатый, неопрятный, съ хитрымъ, лоснящимся на солнцѣ лицомъ:—«Да избавитъ насъ Господь отъ настоящаго вѣка лукаваго».

И онъ предостерегающе устремляетъ вверхъ палецъ и, хитро улыбаясь, раскрываетъ глубокій ротъ.

— Ага, вотъ-вотъ, спасибо, отецъ,—подбѣгаетъ къ нему солдатъ съ жадно внимающимъ лицомъ.—Помогните нашему малоумію.

~~~

А если встать не возлѣ какой-нибудь одной кучки, а среди всѣхъ и недалеко отъ Пушкина, то со всѣхъ [illegible] слѣва, справа, спереди, сзади, [illegible]у, какъ на ярмаркѣ, [illegible] хробь всевозможныхъ [illegible] выкриковъ.

— Товарищъ, тутъ [illegible] мутитъ воду, чтобы [illegible] пріятно покушать.

— Я бы вамъ отвѣтилъ, [illegible] дамы!

— Мука въ Екатеринодарѣ есть!

— Наполеонъ взялъ все въ свои руки и побѣдилъ!

— Митрополитъ Макарій 80 тысячъ одного жалованья получаетъ!

— У меня мужъ, мнѣ [illegible] тоже не надо! Нахалъ!

— Покажи-ка свой паспортъ, [illegible] темно, пойдемъ къ Пушкинской [illegible]!

— Товарищъ, развѣ вы не читали, что объ этомъ писали въ «Соціалъ-Демократѣ»?

— Товарищъ, а развѣ вы не читали, что это опровергали въ «Землѣ и Волѣ»?

— Надо, чтобы имъ [illegible] объяснилъ, что [illegible] они думаютъ, что свобода [illegible] свобода грабить!

— Бѣдныхъ не будетъ, а Бога [illegible] будетъ, потому если ты богатъ [illegible] гать и всего у насъ въ [illegible] етъ, тогда на что намъ Богъ!

— Послѣ войны жизнь [illegible] мѣстовъ осилимъ!

— Тутъ всякіе: и ораторы [illegible] надо брать!

— Господа, у этого человѣка [illegible] клееная борода! Бейте его!

— Въ единеніи сила!

— Я неграмотный, [illegible] жалуюсь, что въ городѣ [illegible] зетъ!

— «Чудесныя явленія [illegible] Распутина»! Чтеніе и картины [illegible] 10 копеекъ!

— Не то хорошо, что [illegible] кому нравится!

— Намъ все равно, [illegible] что республика, лишь бы [illegible]

~~~

— ...Оріентація!.. [illegible] Комплексъ!.. [illegible] ція!.. Конъюнктура!.. [illegible] кализація!.. Паліатив[illegible] [illegible] зія!.. Агрессія!.. [illegible] Филистерство!.. [illegible] nolens!.. Эволюція!.. Товарищи [illegible] чіе, крестьяне и солдаты, [illegible] я говорю?

— Правильно! Правильно!

Н. Никандровъ.
~~~

НАКАНУНѢ ГЕРМАНО-УКРАИНСКАГО КОНФЛИКТА.

(Отъ спеціальныхъ корреспондентовъ газ. „Жизнь".)

Арестъ военнаго министра и чиновниковъ-украинцевъ.—Низверженіе правительства.—Требованіе Рады объ отозваніи ген. Эйхгорна. — Расколъ съѣзда хлѣборобовъ.—Германскіе солдаты въ засѣданіи Рады.—Приказъ ген. Эйхгорна о мѣрахъ охраны Кіева.—Преданіе германскому полевому суду.—Репрессіи противъ кіевской печати.—Арестъ финансиста Добраго.—Распоряженіе министра земледѣлія о невыполненіи приказа Эйхгорна. — Наканунѣ отмѣны „самостійности" Украины.—Стремленіе къ миру съ Великороссіей.—Требованіе вывода нѣмецкихъ войскъ.—Вмѣстѣ съ большевиками противъ Германіи.

ПЕТРОГРАДЪ, 3, V. (Соб. корр.). Правительство рады послало въ Берлинъ НОТУ СЪ ПРОТЕСТОМЪ, заявляя, что ОНО ВЫНУЖДЕНО БУДЕТЪ ПОДАТЬ ВЪ ОТСТАВКУ, ЕСЛИ ЦѢЛЫЙ РЯДЪ НѢМЕЦКИХЪ ЧИНОВНИКОВЪ, занимающихъ отвѣтственные посты, имена которыхъ перечислены въ нотѣ, НЕ БУДЕТЪ НЕМЕДЛЕННО ОТОЗВАНЪ ГЕРМАНСКИМЪ ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ.

Среди лицъ, отозванія которыхъ требуетъ рада значатся ГЕНЕРАЛЪ ЭЙХГОРНЪ И ФОНЪ-ШВАРЦЕНШТЕЙНЪ.

КІЕВЪ. Въ Кіевѣ распубликованъ слѣдующій приказъ главнокомандующаго германскими войсками на Украинѣ генералъ-фельдмаршала фонъ-Эйхгорна:

«Безотвѣтственные личности и союзы пытаются терроризировать населеніе. Противъ всякаго закона и права они производятъ аресты съ цѣлью запугиванія тѣхъ, которые въ интересахъ родины и вновь созданнаго государства готовы работать рука-объ-руку съ Германіей. Гдѣ только находятся германскія войска, я никакихъ беззаконныхъ дѣйствій допускать не буду. Поэтому Я ПРИКАЗЫВАЮ ПРИНЯТЬ ОСОБЫЯ МѢРЫ ДЛЯ ОХРАНЕНІЯ ГОРОДА КІЕВА, ЧТОБЫ НЕМЕДЛЕННО ПРЕДАТЬ СУДУ ВСѢХЪ СОВЕРШАЮЩИХЪ ПРОТИВОЗАКОННЫЯ ДѢЙСТВІЯ.

Я приказываю:

1) ВСѢ ПРОСТУПКИ ПРОТИВЪ ОБЩЕСТВЕННАГО ПОРЯДКА, ВСѢ УГОЛОВНЫЯ ПРЕСТУПЛЕНІЯ, КАКЪ И ВСѢ ПРЕСТУПНЫЯ ДѢЯНІЯ ПРОТИВЪ ГЕРМАНСКИХЪ И СОЮЗНЫХЪ ВОЙСКЪ, ТАКЪ И ВСѢХЪ ЛИЦЪ, ПРИНАДЛЕЖАЩИХЪ КЪ НИМЪ, ПОДЛЕЖАТЪ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ОСОБОМУ ГЕРМАНСКОМУ ПОЛЕВОМУ СУДУ.

2) ВСЯКОЕ НАРУШЕНІЕ ОБЩЕСТВЕННАГО ПОРЯДКА, ВЪ ОСОБЕННОСТИ УЛИЧНЫМИ СБОРИЩАМИ, ВОСПРЕЩАЕТСЯ.

3) Воспрещается также всякая попытка нарушенія порядка или общественной безопасности путемъ агитаціи устной, посредствомъ печати или какими бы то ни было другими средствами. ГАЗЕТЫ, ВИНОВНЫЯ ВЪ ТАКИХЪ ПОСТУПКАХЪ, БУДУТЪ НЕМЕДЛЕННО ЗАКРЫТЫ.

4) УСТАНОВЛЕННЫЯ УКРАИНСКІЯ СУДЕБНЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ ПРОДОЛЖАЮТЪ СВОЮ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ, насколько преступныя дѣянія не подвергаются наказанію согласно статьи 1-ой.

5) Эти постановленія входятъ въ силу немедленно по опубликованіи. Опубликованіе происходитъ путемъ афишировки.

СТЕЙ НЕ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ИСПОЛНЯЕМЫ.

Министерство обращаетъ вниманіе земельныхъ комитетовъ на то, что войска помирившихся съ нами центральныхъ державъ помогаютъ намъ освободиться изъ-подъ большевистскаго господства и этимъ даютъ возможность создать покой и порядокъ на Украинѣ, который необходимъ для проведенія земельной реформы, а потому МИНИСТЕРСТВО ПРЕДЛАГАЕТЪ НЕ ДѢЛАТЬ НИКАКИХЪ ПРЕПЯТСТВІЙ ПРОДОВОЛЬСТВОВАНІЮ И РАЗМѢЩЕНІЮ АВСТРО-ГЕРМАНСКАГО ВОЙСКА, помогать ему въ необходимыхъ случаяхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ зорко слѣдить, чтобы оно не дѣлало никакихъ незаконныхъ поступковъ и не приносило вреда населенію». (Соб. корр.).

КІЕВЪ, 27, IV. Приказъ Эйхгорна знаменуетъ собой поворотъ въ украинской политикѣ.

Конечно, похищеніе Добраго и случайное убійство шести нѣмецкихъ солдатъ въ Кіевѣ являются лишь придиркой къ фактической отмѣнѣ независимости Украины.

Какъ я сообщалъ на-дняхъ, НѢМЦЫ И ДО ТОГО ДѢЯТЕЛЬНО ГОТОВИЛИСЬ КЪ ОТМѢНѢ «САМОСТІЙНОСТИ» УКРАИНЫ.

Имъ нуженъ былъ лишь поводъ, къ которому они нынѣ и придрались.

Нечего и говорить, что приказъ и безъ толкованій печати, встати «благоразумно» воздержавшейся отъ критики его, понятъ всѣми опредѣленно.

Въ правительственныхъ украинскихъ кругахъ предпринимаются слѣдующія «мѣры», если вообще какое-либо противодѣйствіе еще возможно:

ВЫѢХАВШЕЙ ВЧЕРА ВЪ КУРСКЪ ДЕЛЕГАЦІИ НА МИРНУЮ КОНФЕРЕНЦІЮ СЪ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ СОВѢТСКОЙ ВЛАСТИ ДАНА ИНСТРУКЦІЯ С НЕМЕДЛЕННОМЪ ЗАКЛЮЧЕНІИ МИРА СЪ ВЕЛИКОРОССІЕЙ.

Послана спеціальная делегація въ Берлинъ.

Если делегація въ бесѣдѣ съ германскимъ правительствомъ не достигнетъ соглашенія, тогда ВОЗМОЖЕНЪ РАЗРЫВЪ СЪ ГЕРМАНІЕЙ.

УКРАИНСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ПОТРЕБУЕТЪ ВЫВОДА НѢМЕЦКИХЪ ВОЙСКЪ.

Требованіе это, естественно, не встрѣтитъ сочувствія у нѣмцевъ.

И тогда...

— МЫ СООБЩА СЪ БОЛЬШЕВИКАМИ ОБЪЯВИМЪ БЕЗПОЩАДНУЮ ВОЙНУ ГЕРМАНІИ...

Такъ въ бесѣдѣ со мной формулиро-

Вошедшіе солдаты разсыпались по залу, направивъ револьверы на всѣхъ присутствовавшихъ, которые съ поднятыми вверхъ руками застыли на своихъ мѣстахъ. Револьверы были направлены и на профессора Грушевскаго.

ЛЕЙТЕНАНТЪ ХОТѢЛЪ АРЕСТОВАТЬ УКРАИНСКИХЪ МИНИСТРОВЪ, НО ВЪ ЗАЛѢ ОКАЗАЛСЯ ТОЛЬКО ОДИНЪ МИНИСТРЪ ГАЕВСКІЙ, КОТОРЫЙ БЫЛЪ ТУТЪ ЖЕ АРЕСТОВАНЪ.

Къ командиру отряда подошелъ какой-то нѣмецкій солдатъ и доложилъ что-то, показывая на потолокъ.

По распоряженію командира на чердакъ былъ отправленъ отрядъ солдатъ.

Всѣ присутствовавшіе продолжали стоять съ поднятыми верхъ руками, которыя у многихъ стали отекать.

Солдаты на чердакѣ министровъ не нашли.

— А теперь,—крикнулъ по-русски лейтенантъ,—всѣ должны сдать оружіе.

— Я заявляю протестъ противъ обыска въ зданіи парламента,—сказалъ Грушевскій.

— Кто не сдастъ оружія,—отвѣтилъ по-нѣмецки другой лейтенантъ,—будетъ немедленно разстрѣлянъ.

Затѣмъ ВЪ ЗДАНІИ НАЧАЛСЯ ОБЩІЙ ОБЫСКЪ.

РАДА ТЕПЕРЬ НЕДОУМѢВАЕТЪ, РАЗОГНАНА ОНА ИЛИ НѢТЪ.

Маркъ Владимировъ.

ПЕТРОГРАДЪ, 3, V. (Соб. корр.). Выдержки изъ текста радіо изъ нѣмецкихъ журналовъ, полученныхъ 2-го и 3-го мая:

„2-е мая, полдень. За послѣднее время ВЪ КІЕВѢ НАБЛЮДАЕТСЯ СИЛЬНАЯ АГИТАЦІЯ, НАПРАВЛЕННАЯ, ПОВИДИМОМУ, ПРОТИВЪ ГЕРМАНСКАГО ВЛІЯНІЯ НА УКРАИНѢ. Старанія германцевъ водворить порядокъ не находятъ достаточной поддержки со стороны правительства. Есть даже указанія на то, что ЧЛЕНЫ ПРАВИТЕЛЬСТВА САМИ ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ ВЪ АГИТАЦІИ. Недавно арестованъ директоръ Русскаго для внѣшней торговли банка Добрый, находившійся въ тѣсномъ сношеніи съ германцами—членами экономической комиссіи. Фельдмаршалъ Эйхгорнъ условился поэтому съ имперскимъ посломъ относительно особыхъ мѣръ по охранѣ Кіева, касающейся, главнымъ образомъ установленія судебными учрежденіями строгаго наказанія за нарушеніе порядка. РАЗСЛѢДОВАНІЕ ПРИЧИНЪ АРЕСТА ДОБРАГО ГЕРМАНСКИМЪ ВОЕННЫМЪ СУДОМЪ ПРИВЕЛО КЪ АРЕСТУ УКРАИНСКАГО ВОЕННАГО МИ-

Переводъ Николая Романова.

Романовы изъ Тобольска перевезены въ Екатеринбургъ.
(СООБЩЕНІЕ ПРЕЗИДІУМА Ц. И. К.).

«Въ ноябрѣ или декабрѣ прошлаго года въ президіумѣ ц. и. к. ставился вопросъ о бывшемъ царѣ.

Вопросъ этотъ былъ отсроченъ въ виду цѣлаго ряда событій.

Мѣсяцъ назадъ въ президіумъ ц. и. к. явился делегатъ отъ охраны бывшаго царя и сообщилъ, что съ охраной обстоитъ далеко не все благополучно: часть охраны разбѣжалась, дѣлались попытки подкупа окрестныхъ крестьянъ.

ПО ВСѢМЪ СООБЩЕНІЯМЪ, ДОХОДИВШИМЪ ИЗЪ ТОБОЛЬСКА, НЕ МОГЛО БЫТЬ УВѢРЕННОСТИ, ЧТО НИКОЛАЙ РОМАНОВЪ НЕ ПОЛУЧИТЪ ВОЗМОЖНОСТИ СКРЫТЬСЯ ОТТУДА.

Были получены различныя сообщенія, что НѢКОТОРЫЕ ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ ШАГИ ВЪ ЭТОМЪ НАПРАВЛЕНІИ ОТДѢЛЬНЫМИ ГРУППАМИ МОНАРХИСТОВЪ ЗАТѢВАЮТСЯ.

Исходя изъ всѣхъ указанныхъ сообщеній, ПРЕЗИДІУМЪ ВСЕРОССІЙСКАГО Ц. И. К. СОВѢТОВЪ СДѢЛАЛЪ РАСПОРЯЖЕНІЕ О ПЕРЕВОДѢ БЫВШАГО ЦАРЯ НИКОЛАЯ РОМАНОВА ВЪ БОЛѢЕ НАДЕЖНЫЙ ПУНКТЪ, ЧТО И БЫЛО ИСПОЛНЕНО.

ВЪ НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ НИКОЛАЙ РОМАНОВЪ СЪ ЖЕНОЙ И ОДНОЙ ИЗЪ ДОЧЕРЕЙ НАХОДИТСЯ ВЪ ЕКАТЕРИНБУРГѢ, ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Надзоръ за нимъ порученъ областному совдепу Урала. (Б. П.)

Слѣдующій № газеты „Жизнь" выйдетъ въ четвергъ, 9-го мая (26-го апрѣля).

На внутреннемъ фронтѣ.

Занятіе Таганрога нѣмцами.

Радіо-бюллет. 6. и. отъ 3 мая приводитъ германское сообщеніе, въ которомъ говорится: на восточномъ фронтѣ наши войска, пройдя линію Екатеринославль — Харьковъ, проникли въ Донской бассейнъ. **На берегу Азовскаго моря нами занятъ Таганрогъ.**

КУРСКЪ, 3, V. (Соб. корр.). Офиціальное сообщеніе украинскаго генеральнаго штаба отъ 27-го апрѣля: Южный фронтъ.

По политическимъ обстоятельствамъ ЧАСТЯМЪ ЗАПОРОЖСКОЙ БРИГАДЫ ПРИКАЗА О ОСТАВИТЬ КРЫМСКІЙ ПОЛУОСТРОВЪ И ОТОЙТИ КЪ СТАНЦІИ ДЖАНКОЙ.

Отъ 28-го апрѣля:

ОТРЯДАМЪ БРИГАДЫ АТАМАНА ПАТІЕВА ПРИКАЗАНО ОТОЙТИ КЪ ПЕРЕКОПУ.

Черноморскій флотъ.

ПЕТРОГРАДЪ, 3, V. (Соб. корр.). Германцы подъ угрозой бомбардировки Севастополя ПОТРЕБОВАЛИ СДАЧИ ФОРТА И СУДОВЪ.

ПЕТРОГРАДЪ, 3, V. Германское командованіе предлагаетъ прислать русскую делегацію въ Сулинъ для ВЫЯСНЕНІЯ СУДЬБЫ ЧЕРНОМОРСКАГО ФЛОТА.

Захватъ Финляндіей русскихъ судовъ.

ПЕТЕРБУРГЪ, 2, V. Госпитальная флотилія русскаго «Краснаго Креста», предназначенная для перевозки военноплѣнныхъ, раненыхъ и инвалидовъ между Германіей и Россіей, въ числѣ 7 госпитальныхъ судовъ: «РУСЬ», «МИТАВА», «ПАЛЛАДА», «ЛАХТА», «МЕРКУРІЙ», «ЖУЛАНЪ» и «ТОВАРИЩЪ», захвачена финляндскимъ правительствомъ, равно какъ всѣ склады «Краснаго Креста», находящіеся на берегу.

Плѣненіе Маннера.

Германская радіотелеграмма сообщаетъ, что при занятіи Выборга взятъ въ плѣнъ ПРЕДСѢДАТЕЛЬ ФИНСКАГО СОВѢТА НАРОДНЫХЪ КОМИССАРОВЪ МАННЕРЪ.

КУРСКІЕ ПЕРЕГОВОРЫ.

(Отъ спеціальнаго корреспондента газ. „Жизнь").

Возвращеніе украинской делегаціи съ дороги.—Рѣшеніе вопроса о границахъ референдумомъ.

КУРСКЪ, 3, V. (Соб. корр.). 28-го апрѣля УКРАИНСКАЯ ДЕЛЕГАЦІЯ ДВИГАЛАСЬ ПО НАПРАВЛЕНІЮ КЪ КУРСКУ. ПРОѢХАВЪ НѢСКОЛЬКО ВЕРСТЪ ЗА СТАНЦІЮ ВОРОЖБА, УКРАИНЦЫ ДОЛЖНЫ БЫЛИ ВЕРНУТЬСЯ НА СТАНЦІЮ, ТАКЪ КАКЪ ДАЛЬНѢЙШЕЕ ПРОДВИЖЕНІЕ ВЪ

должны быть разсматриваемы, какъ плодъ досужей фантазіи обывателя, падкаго до всякаго рода сенсацій. Члены россійской мирной делегаціи категорически заявили, что, вслѣдствіе того, что мирный договоръ съ коалиціей центральныхъ державъ подписанъ и ратификованъ верховной властью россійской федеративной республи-

Дѣло Керенскаго въ судѣ.

Окончаніе слѣдствія. — Возможность разбора дѣла въ іюнѣ.

Въ ближайшее время будетъ закончено дѣло Керенскаго.

Послѣднее сосредоточено сейчасъ въ военно-судебномъ вѣдомствѣ, куда перешли матеріалы комиссіи Шабловскаго, назначенной по дѣлу ген. Корнилова.

Послѣ октябрьскаго переворота комиссія Шабловскаго была расформирована, и дѣло о Корниловѣ пріостановлено въ виду того, что Корниловъ былъ объявленъ внѣ закона.

Собранные матеріалы составляютъ нѣсколько объемистыхъ томовъ. Особенно много въ дѣлѣ юзограммъ. Въ основу обвиненія кладутся разговоры по прямому проводу между правительствомъ Керенскаго и ставкой.

СЛѢДСТВЕННАЯ РАБОТА ПОДХОДИТЪ КЪ КОНЦУ. Приблизительно ВЪ ІЮНѢ ПРЕДПОЛАГАЕТСЯ СЛУШАНІЕ ДѢЛА ВЪ СУДЕБНОМЪ ПОРЯДКѢ. Отсутствіе подсудимаго не сможетъ служить основаніемъ для прекращенія дѣла. Полагаютъ, что Керенскій будетъ вызванъ въ судъ по публикаціи.

Чернинъ — посолъ въ Россіи.

По свѣдѣніямъ, полученнымъ въ совѣтскихъ кругахъ, мирный договоръ съ Австро-Венгріей будетъ на-дняхъ ратификованъ въ парламентской комиссіи по международнымъ дѣламъ.

ВЪ ГЕРМАНСКОМЪ ПОСОЛЬСТВѢ ПОЛУЧЕНЫ СВѢДѢНІЯ О ПРЕДСТОЯЩЕМЪ НАЗНАЧЕНІИ ВЪ РОССІЮ ВЪ КАЧЕСТВѢ ПОСЛА ГР. ЧЕРНИНА.

Польша и Россія.

По слухамъ, циркулировавшимъ вчера въ консульскихъ кругахъ, на будущей недѣлѣ ГР. МИРБАХЪ ВОЙДЕТЪ ВЪ ПЕРЕГОВОРЫ СЪ КОМИССАРІАТОМЪ ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ О ПРИЗНАНІИ СОВѢТСКИМЪ ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ ПОЛЬСКАГО КОРОЛЕВСТВА И ЕГО НЫНѢШНЯГО ВРЕМЕННАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Попутно съ этимъ опредѣлится положеніе А. Р. Ледницкаго, который будетъ аккредитованъ при русскомъ правительствѣ въ качествѣ уполномоченнаго варшавскаго регентскаго совѣта. Онъ будетъ исполнять посольскія функціи.

Романовы въ Крыму.

(Отъ спец. корр. газ. „Жизнь").

Въ „Дюльберѣ".—Николай Николаевичъ и Марія Ѳедоровна на солдатскомъ пайкѣ.—Смерть адъютанта М. Ѳ. кн. Шервашидзе.—«Хараксъ» и супруги Куликовскіе.

Романовымъ и ихъ опричникамъ принадлежали всѣ лучшія и красивѣйшія мѣста въ Крыму, виноградники, и т. д.

Послѣ турецкой кампаніи царь по кускамъ раздарилъ Крымъ князьямъ и генераламъ. „Простымъ смертнымъ" въ Крыму всюду приходилось натыкаться: „Проѣздъ и проходъ строго запрещены".

Послѣ переворота всѣ царскія, романовскія имѣнія перешли въ общественное пользованіе.

Въ бывшемъ царскомъ имѣніи „Ливадія" устроенъ санаторій для амнистированныхъ политическихъ.

КНЯЗЬЯ РОМАНОВЫ СЪ СЕМЬЯМИ (НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ, МАРІЯ ѲЕДОРОВНА И ДР.) ЖИВУТЪ СЕЙЧАСЪ ПОДЪ ДОМАШНИМЪ АРЕСТОМЪ И СТРОГИМЪ НАДЗОРОМЪ ВЪ БОЛЬШОМЪ ДВОРЦѢ БЫВШАГО ИМѢНІЯ БЫВШАГО ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ И ВЕРХОВНАГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА—„ДЮЛЬБЕРЪ".

Въ дюльберскомъ дворцѣ вмѣстѣ со свитой помѣщается 80 человѣкъ.

Члены царской семьи, князья и свита питаются изъ одного котла съ охраняющими ихъ солдатами и внѣшними служащими, рабочими.

Продукты для „Дюльбера" закупаютъ въ Ялтѣ, но въ тѣ дни, когда въ Ялтѣ вспыхиваютъ междоусобные безпорядки, о дюльберцахъ, конечно, забываютъ, и случалось, что узники по недѣлямъ оставались безъ хлѣба и мяса.

ЖИВУТЪ РОМАНОВЫ НА СВОИ СРЕДСТВА, больше чѣмъ скромно. НА КАЖДАГО ИЗЪ ЧЛЕНОВЪ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ ОСТАВЛЕНО НА ТЕКУЩЕМЪ СЧЕТУ ПО 10 ТЫС. рублей.

Штатъ свиты и прислуги сокра-

Николай Николаевичъ сильно похудѣлъ, настроеніе мрачное, ходитъ не въ своей черкескѣ, а въ штатскомъ.

Разговаривать съ солдатами избѣгаетъ, съ рѣдкими посѣтителями говоритъ больше о продовольствіи:

— Кушать мало.

НА ПОЛИТИЧЕСКІЯ ТЕМЫ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ РѢШИТЕЛЬНО ОТКАЗЫВАЕТСЯ ГОВОРИТЬ.

— Газеты не получаю, политикой не занимаюсь.

Газеты и письма поступаютъ въ „Дюльберъ" рѣдко и подвергаются строжайшей цензурѣ.

Марія Ѳедоровна почти не выходитъ изъ своей комнаты, она также сильно постарѣла, острижена по-солдатски и безъ помощи палки уже не можетъ ступить шагу.

Марія Ѳедоровна ни съ кѣмъ изъ охраны не говоритъ, но такъ смотритъ,—говорятъ солдаты,—словно хочетъ убить взглядомъ.

Остальные узники „Дюльбера" держатся проще и проводятъ время въ игрѣ въ крокетъ, теннисъ и шахматы.

Приходитъ матросъ Задорожный и говоритъ, что съ нѣкоторыхъ поръ въ „Дюльберъ" приказано никого не допускать. РАНЬШЕ КЪ НИКОЛАЮ НИКОЛАЕВИЧУ ЕЖЕДНЕВНО ПРИХОДИЛА СЕСТРА БЫВШАГО ЦАРЯ НИКОЛАЯ И ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА, ЖЕНА РОТМИСТРА КУЛИКОВСКАГО, ЖИВУЩАЯ НА СВОБОДѢ ВЪ СОСѢДНЕМЪ ИМѢНІИ „ХАРАКСЪ", НО ТЕПЕРЬ И ЕЕ НЕ ДОПУСКАЮТЪ.

По секрету матросъ Задорожный говоритъ мнѣ, что для нѣкоторыхъ лицъ можно было бы сдѣлать исключеніе, если бы не постоянная вражда и взаимное недовѣріе между внутренней охраной дворца и солдата-

афишировки.

6) Исполненіе этого приказа поручается штабу XXVII-го армейскаго корпуса.

Кіевъ, 25-го апрѣля 1918 года.

Главнокомандующій германскими войсками на Украинѣ генералъ-фельдмаршалъ фонъ-Эйхгорнъ». (Соб. корр.)

КІЕВЪ. «Кіевской [illegible] по поводу приказа ген.-фельдмаршала фонъ-Эйхгорна сообщаютъ изъ [illegible] германскаго источника:

«Въ ночь на 25-е апрѣля въ Кіевѣ былъ **АРЕСТОВАНЪ ВООРУЖЕННЫМИ ЛЮДЬМИ ИЗВѢСТНЫЙ ФИНАНСИСТЪ А. Ю. ДОБРЫЙ.** Милиція была призвана на помощь, но отказалась оказать содѣйствіе. Арестовавшіе г. Добраго вооруженные люди заявили, что дѣйствуютъ отъ имени «союза спасенія Украины». А. Ю. Добрый игралъ видную роль въ переговорахъ о товарообмѣнѣ съ германской делегаціей. Поэтому мы думаемъ, что арестъ г. Добраго имѣлъ цѣлью запугать всѣхъ, кто хочетъ работать рука-объ-руку съ нами. Эта провокація, направленная противъ хорошихъ отношеній съ нами, доказываетъ, что украинское правительство не въ состояніи принять мѣры къ охранѣ порядка. Арестъ А. Ю. Добраго является важнымъ нарушеніемъ безопасности въ городѣ. Мы пришли на Украину, имѣя задачей установленіе порядка. Во время своего пребыванія здѣсь мы доказали, что не намѣрены вмѣшиваться во внутреннія дѣла Украины. Но теперь обстоятельства насъ вынуждаютъ принять серьезныя мѣры для обезпеченія безопасности г. Кіева. Нами получены свѣдѣнія, что готовится еще рядъ самочинныхъ выступленій, подобныхъ аресту г. Добраго. Поэтому мы должны прибѣгнуть къ предупредительнымъ мѣрамъ. Мы сознаемъ, что это нарушаетъ права украинскаго правительства, но лозунгъ порядка, во имя котораго мы пришли сюда, вынуждаетъ насъ къ такимъ мѣропріятіямъ». (Соб. корр.).

КІЕВЪ. Министръ земледѣлія М. М. Ковалевскій разослалъ по всѣмъ земельнымъ комитетамъ слѣдующее телеграфное распоряженіе по поводу приказа Эйхгорна о засѣвѣ полей:

«Исполняя постановленія ц. рады, народное министерство земледѣлія извѣщаетъ: а) что указанный **ПРИКАЗЪ ЭЙХГОРНА НЕ ДОЛЖЕНЪ БЫТЬ ИСПОЛНЯЕМЪ,** б) что народное министерство неустанно стоитъ на стражѣ завоеваній и правъ украинскаго трудового народа. Только ему поручено центральной радой издавать распоряженія по земельному вопросу, и **НИКАКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ ПО ЗЕМЕЛЬНЫМЪ ВОПРОСАМЪ АВСТРО-НѢМЕЦКИХЪ ВОЙСКОВЫХЪ ВЛА-**

Такъ въ бесѣдѣ со мной формулировалъ дальнѣйшую тактику компетентный украинскій политикъ.

Петръ Русинъ.

Засѣданіе Рады.

КУРСКЪ, 3, V. (Соб. корр.). Опубликованіе приказа Эйхгорна вызвало сильное возмущеніе кіевлянъ.

На засѣданіи рады 28 апрѣля Н. В. Поршъ заявилъ:

— **ПРИКАЗЪ ЭЙХГОРНА ЗНАМЕНУЕТЪ СОБОЙ ПОВОРОТЪ ПОЛИТИКИ НѢМЦЕВЪ НА УКРАИНѢ.** Въ оцѣнкѣ этого приказа не можетъ быть разногласій между украинской и не украинской демократіей. **ПОДПИСАНІЕ ТОРГОВЫХЪ ДОГОВОРОВЪ НАЛАГАЕТЪ НА УКРАИНУ ТЯГЧАЙШІЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА, ВЫПОЛНЕНІЕ КОТОРЫХЪ ЯВЛЯЕТСЯ ДЛЯ ГЕРМАНІИ ОСНОВАНІЕМЪ ДЛЯ ДАЛЬНѢЙШЕЙ БОРЬБЫ НА ЗАПАДѢ,** и потому Германія не можетъ безразлично относиться къ тому, что дѣлается на Украинѣ.

КУРСКЪ, 3, V. (Соб. корр.). Въ засѣданіи рады отъ 28-го апрѣля оглашенъ подлинникъ приказа, присланнаго на нѣмецкомъ языкѣ украинскому министру внутреннихъ дѣлъ. Въ приказѣ говорится, что празднованіе 1-го мая является нарушеніемъ общественной тишины и безопасности. Такъ какъ, согласно приказу, на всякія собранія должны быть взяты разрѣшенія у командующаго арміями, то **НА ПРАЗДНОВАНІЕ 1-ГО МАЯ НЕОБХОДИМО ПОЛУЧИТЬ РАЗРѢШЕНІЕ У ГЕНЕРАЛА ЭЙХГОРНА.**

Маркъ Владимировъ.

КУРСКЪ, 3, V. (Соб. корр.) 28-го апрѣля, во время засѣданія рады, около 3 часовъ дня, къ предсѣдателю Грушевскому подошелъ одинъ изъ членовъ рады и сообщилъ, что онъ спускался внизъ и хотѣлъ уйти, но **ЗДАНІЕ РАДЫ ОКАЗАЛОСЬ ОКРУЖЕННЫМЪ НѢМЕЦКИМИ СОЛДАТАМИ, КОТОРЫЕ НИКОГО НЕ ВЫПУСКАЮТЪ.**

Въ это время по лѣстницѣ, ведущей въ залъ засѣданія, раздался топотъ солдатскихъ ногъ. Въ дверяхъ **ПОЯВИЛСЯ ГЕРМАНСКІЙ ЛЕЙТЕНАНТЪ СЪ ОТРЯДОМЪ ГЕРМАНСКИХЪ СОЛДАТЪ,** вооруженныхъ винтовками и револьверами.

— Именемъ германскаго правительства!—громко крикнулъ по-русски лейтенантъ.—Руки вверхъ! Ни съ мѣста!

Въ залѣ поднялось волненіе. **ЧЛЕНЫ РАДЫ И ПУБЛИКА ПОКОРНО ПОДНЯЛИ РУКИ ВВЕРХЪ**

[illegible] СТУ УКРАИНСКАГО ВОЕННАГО МИНИСТРА, НАЧАЛЬНИКА ОТДѢЛА ВЪ МИНИСТЕРСТВѢ ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ, НАЧАЛЬНИКА ГОРОДСКОЙ МИЛИЦІИ И НАЧАЛЬНИКА ОТДѢЛА ВЪ МИНИСТЕРСТВѢ ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ".

„3-го мая, 2 ч. Изъ Кіева сообщаютъ по радіотелеграфу, что прибывшее туда съ крестьянскими депутатами **ПРЕЖНЕЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО НИЗВЕРГНУТО. НОВОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ТОТЧАСЪ ЖЕ СТАЛО НА ТОЧКУ ЗРѢНІЯ БРЕСТСКАГО ДОГОВОРА".**

Съѣздъ хлѣборобовъ.

КУРСКЪ, 3, V. (Соб. корр.). 29 апрѣля **ВЪ КІЕВѢ ОТКРЫЛСЯ СЪѢЗДЪ ХЛѢБОРОБОВЪ. ЗДАНІЕ,** гдѣ засѣдалъ съѣздъ, **ОХРАНЯЛОСЬ ГЕРМАНСКИМИ КАРАУЛАМИ.**

Съ привѣтствіемъ къ съѣзду выступилъ представитель земельнаго херсонскаго кооперативнаго банка Рейхеръ, который заявилъ:

— Довольно соціалистическихъ экспериментовъ! Представителямъ соціализма не мѣсто у власти. Украинское учредительное собраніе избиралось подъ угрозой штыковъ дезертировъ, а потому оно не должно состояться.

На съѣздѣ произошелъ расколъ изъ-за расхожденія земельныхъ интересовъ мелкихъ и крупныхъ собственниковъ. **ЧАСТЬ СЪѢЗДА ОРГАНИЗОВАЛА САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ СЪѢЗДЪ ХЛѢБОРОБОВЪ-ДЕМОКРАТОВЪ,** который долженъ былъ состояться на слѣдующій день въ залѣ Купеческаго собранія. Но пришедшіе **НА ДРУГОЙ ДЕНЬ УЧАСТНИКИ СЪѢЗДА ЗАСТАЛИ У ЗДАНІЯ СИЛЬНЫЙ ГЕРМАНСКІЙ КАРАУЛЪ, КОТОРЫЙ НЕ ДОПУСТИЛЪ СОБРАНІЯ.**

Маркъ Владимировъ.

Пропуски на Украину.

Графъ Мирбахъ запросилъ Берлинъ о выдачѣ пропусковъ на Украину. До полученія отвѣта отъ германскаго правительства пропуски выдаваться не будутъ.

Германское посольство вступило въ сношенія съ мѣстнымъ представителемъ украинской рады Е. Коншцевымъ по вопросу о судьбѣ украинскихъ гражданъ и пропускѣ ихъ въ оккупированныя мѣстност

ДАЛЬНѢЙШЕЕ ПРОДВИЖЕНІЕ ВЪ ПРИФРОНТОВОЙ ПОЛОСѢ ОКАЗАЛОСЬ НЕВОЗМОЖНЫМЪ, ВСЛѢДСТВІЕ ПРОИСХОДЯЩИХЪ НА НЕЙ БОЕВЫХЪ ДѢЙСТВІЙ.

ОДИНЪ ИЗЪ ЧЛЕНОВЪ ДЕЛЕГАЦІИ, ВЫѢХАВШІЙ, какъ я вамъ сообщалъ, **ВЪ ВОРОЖБУ, ДОЛЖЕНЪ БЫЛЪ ТАКЖЕ ВЕРНУТЬСЯ ВЪ ВИДУ НЕВОЗМОЖНОСТИ ПЕРЕѢЗДА ЛИНІИ ФРОНТА.** Къ его пріѣзду фронтъ представлялъ картину начала наступленія, пріостановить которое по чисто военно-техническимъ причинамъ оказалось для него невозможнымъ. Делегатъ вернулся въ Курскъ.

Между Курскомъ и Кремлемъ происходятъ непрерывный обмѣнъ телеграммами и сношенія по телефону.

Сегодня, въ 3 часа утра, выѣхалъ по направленію къ Ворожбѣ, гдѣ находится еще украинская делегація, съ большимъ военнымъ отрядомъ секретарь мирной делегаціи Зайцевъ. Зайцеву даны самыя широкія полномочія на фронтѣ.

Маркъ Владимировъ.

КУРСКЪ, 3, V. (Соб. корр.). Членъ мирной делегаціи **МАНУИЛЬСКІЙ** на заданный ему **ВОПРОСЪ, КАКЪ БУДЕТЪ РѢШЕНЪ ВОПРОСЪ О ГРАНИЦАХЪ МЕЖДУ УКРАИНОЙ И ВЕЛИКОРОССІЕЙ, ОТВѢТИЛЪ:**

— Въ этомъ вопросѣ **МЫ ПРЕДЛОЖИМЪ УКРАИНСКОЙ ДЕЛЕГАЦІИ РѢШЕНІЕ ПОСРЕДСТВОМЪ РЕФЕРЕНДУМА.** Я убѣжденъ, что 95 или даже 99% южныхъ губерній выскажутся за присоединеніе къ Россіи. Народное голосованіе—самое демократическое рѣшеніе вопроса, принимаемое повсюду. Если же рада выскажется противъ референдума, то, значитъ, она хочетъ итти противъ воли народа, противъ демократическаго принципа.

КУРСКЪ, 3, V. (Соб. корр.). Въ мѣстныхъ «Извѣстіяхъ» напечатана слѣдующая бесѣда съ членами россійской мирной делегаціи:

Упорно **ЦИРКУЛИРУЮЩІЕ ВЪ ГОРОДѢ СЛУХИ О ТОМЪ, ЧТО ВЪ РАБОТАХЪ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦІИ ПРИМУТЪ УЧАСТІЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ ГЕРМАНІИ И АВСТРО-ВЕНГРІИ, ЛИШЕНЫ ВСЯКИХЪ ОСНОВАНІЙ** и

[illegible] державъ подписанъ и ратификованъ верховной властью россійской совѣтской федеративной республики, намъ не о чемъ съ ними больше говорить. Къ работамъ мирной конференціи привлечены лишь представители центральной совѣтской власти и делегаты кіевскаго совѣта народныхъ министровъ; австро-германцы же къ настоящимъ переговорамъ не имѣютъ никакого отношенія.

Въ связи съ приведенной бесѣдой нашъ сотрудникъ обратился къ предсѣдателю делегаціи Сталину съ вопросомъ, имѣется ли основаніе предполагать, что съ украинцами прибудутъ также и нѣмцы?

— Нѣтъ, мы этого совсѣмъ не ожидаемъ,—заявилъ Сталинъ.—Мы уже заключили съ нѣмцами миръ въ Брестѣ. О какихъ же мирныхъ переговорахъ съ ними можетъ теперь итти рѣчь?

— А если рада заключила съ Германіей такой миръ, изъ условій котораго необходимо вытекаетъ присутствіе нѣмцевъ на курской конференціи?

— Это уже другое дѣло. Мы вѣдь не знаемъ всѣхъ условій договора рады съ нѣмецкой коалиціей.

— Если же нѣмцы пріѣдутъ, будете ли вы протестовать противъ этого?

— Протестовать мы не будемъ.

Маркъ Владимировъ.

КУРСКЪ, 3, V. (Соб. корр.). Въ засѣданіи совѣта народныхъ комиссаровъ, посвященномъ обсужденію послѣднихъ событій въ Курскѣ, выступилъ военный комиссаръ Подвойскій. Подвойскій указалъ, что въ томъ, что происходило въ Курскѣ, былъ отчасти виновенъ и мѣстный совѣтъ народныхъ комиссаровъ.

Предсѣдатель мѣстнаго совѣта народныхъ комиссаровъ Забицкій въ отвѣтной рѣчи сказалъ:

— Къ центру мы обращались часто, даже слишкомъ часто, и если центръ давалъ какія-либо указанія,—это было счастьемъ. Въ оторванности отъ центра вина не наша. Что же далъ центръ? Онъ принималъ мѣры, которыя только теперь уже вылились въ реальные результаты. Духовно мы были одиноки. Матеріальная помощь была, но моральной поддержки мы не видѣли. И вотъ въ этотъ моментъ пошатнулась совѣтская власть.

Съ 9-го мая въ газетѣ начнутся печатаніемъ очерки специальнаго корреспондента „Жизни" Зинаиды Дуровой:

„КРАСНЫЙ КРЫМЪ",

посвященные крымской жизни передъ занятіемъ Крыма [illegible]скими войсками

[illegible] СЧЕТУ ПО 10 ТЫС. рублей.

Штатъ свиты и прислуги сокращены до минимума, князьямъ разрѣшили оставить возлѣ себя только самыхъ старыхъ слугъ.

Съ домашней и садовой работой князья справляются сами и, повидимому, дѣлаютъ это охотно.

Раздобывъ съ большимъ трудомъ дамское сѣдло и порядочную верховую лошадь, всѣ оставшіеся отъ мобилизаціи татарскія лошади конфискованы для обслуживанія совѣтовъ,—ѣду въ „Дюльберъ".

Въ карманѣ у меня рекомендательное письмо къ начальнику охраны Романовыхъ матросу Задорожному. Въ Севастополѣ мнѣ говорили о Задорожномъ какъ о безупречно честномъ и порядочномъ во всѣхъ отношеніяхъ человѣкѣ.

У входа въ „Дюльберъ" застаю коляску съ духовными особами, ожидающими, когда имъ откроютъ чугунныя рѣзныя ворота, въ пролеты которыхъ видны распланированныя дорожки, стройные кипарисы, густолистыя магноліи, ровно подстриженныя мирты и розы, а дальше большой многоэтажный дворецъ и синяя полоска моря.

Узнаю, что въ „Дюльберѣ" сегодня день траура и печали,—скоропостижно скончался престарѣлый адъютантъ Маріи Ѳедоровны кн. Шервашидзе.

Духовные отцы приглашены для подобающихъ обрядовъ.

Пока пошли за матросомъ Задорожнымъ, я разговариваю съ солдатомъ, охраняющимъ ворота.

Дюльберскій дворецъ—совершенно изолированный особый мірокъ, что, впрочемъ, не мѣшаетъ его обитателямъ болѣть, умирать, любить, ревновать и давать новыя жизни.

Умеръ кн. Шервашидзе, а на этихъ дняхъ у одной изъ княженъ родилась дочь Ирина, племянница и крестница Николая Николаевича.

Въ день крестинъ былъ семейный праздникъ.

Николаю Николаевичу было разрѣшено пробыть на этомъ торжествѣ $1\frac{1}{2}$ часа,—узники выходятъ изъ дома и указанной для прогулокъ черты каждый разъ съ особаго разрѣшенія; за предѣлы имѣнія они допускаются лишь въ исключительныхъ случаяхъ; для допроса, къ доктору, въ сопровожденіи, конечно, конвоя. Черезъ полтора часа, минута въ минуту, Николай Николаевичъ стоялъ передъ начальникомъ охраны съ часами въ рукахъ:

— Видите, я не опоздалъ.

Николай Николаевичъ, по словамъ охраняющихъ его солдатъ, подчиняется новому [illegible] [illegible]ской исполнительностью.

— Намъ служили, теперь мы [illegible] послужить,—говоритъ онъ.

[illegible] говоритъ мнѣ, что для нѣкоторыхъ лицъ можно было бы сдѣлать исключеніе, если бы не постоянная вражда и взаимное недовѣріе между внутренней охраной дворца и солдатами, охраняющими имѣніе:

— Одно у насъ занятіе: выслѣживаемъ другъ-друга. Допустить васъ, а самъ головой поплатишься. Никакъ нельзя.

— Мы живемъ между треми огнями,—разсказываетъ матросъ,—Ялта, Алупка и Севастополь, не знаешь откуда ждать бѣды.

Періодически узники „Дюльбера", узнавая о новыхъ заговорахъ и подготовляющихся варѳоломеевскихъ ночахъ, [illegible] дни и ночи волненій и страховъ.

Особенно тревожно чувствовали себя князья, когда узнали о раскрытомъ заговорѣ въ Алупкѣ. Опасность была очень большая.

Дѣлать нечего, свиданіе съ Николаемъ Николаевичемъ невозможно, прощаюсь съ матросомъ Задорожнымъ и ѣду въ имѣніе «Хараксъ» къ супругамъ Куликовскимъ, романическая свадьба которыхъ должна быть у многихъ въ памяти.

* * *

Супруги Куликовскіе пользуются полной свободой, но живутъ скромно.

Ольга Александровна не держитъ прислуги и все дѣлаетъ сама.

Возлѣ ихъ дачи мнѣ говорятъ, что Куликовскіе ушли съ дѣтьми гулять въ паркъ.

Привязываю лошадь къ балкону и иду ихъ разыскивать.

Ольга Александровна въ простенькой бѣлой блузкѣ, гладко причесана, заикается гораздо меньше, чѣмъ раньше. Куликовскій выглядитъ простоватымъ, добродушнымъ офицеромъ, какъ говорятъ, „рубаха человѣкъ", на немъ френчъ защитнаго цвѣта безъ погонъ.

Куликовскіе забрасываютъ меня вопросами о Россіи, о Севастополѣ, жалуются, что ничего не знаютъ о томъ, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ,—газетъ не получаютъ.

—Живемъ слухами, но и слухи до насъ доходятъ позднѣе, чѣмъ до другихъ. Вы слышали о заговорѣ въ Алупкѣ? Мы только недавно узнали. Я понять не могла, почему къ намъ наканунѣ въ имѣніе пришли татары. Оказывается, они хотѣли насъ охранять отъ самосуда. Кончится ли это когда-нибудь?

Куликовскій внимательно осматриваетъ мою лошадь и совѣтуетъ подтянуть стремя.

—Лошадь не очень красива, но недурна: я—знатокъ,—говоритъ онъ.

Повидимому, ему надоѣли и „слухи", и „заговоры",—все, что мѣшаетъ спокойному, сытому существованію помѣщика изъ отставныхъ офицеровъ.

Въ Москвѣ.

Высшій совѣтъ народнаго хозяйства.

Вчера въ пленумѣ высшаго совѣта народнаго хозяйства долженъ былъ быть заслушанъ докладъ Шмидта „о трудовой дисциплинѣ“, въ виду немногочисленности собранія обсуждался лишь вопросъ о довыборахъ членовъ бюро совѣта, въ виду выхода нѣкоторыхъ членовъ изъ бюро: Масленникова и другихъ.

По предложенію президіума, въ бюро совѣта народнаго хозяйства выбраны слѣдующіе новые члены: Лобковскій, Медвѣдевъ, Рудзутакъ и Сокольниковъ.

Возвращеніе военноплѣнныхъ на родину.

Для установленія порядка возвращенія военноплѣнныхъ въ Москвѣ образована, согласно брестскому договору, смѣшанная комиссія изъ четырехъ представителей Россіи и четырехъ представителей Германіи.

Въ комиссіи участвуетъ по одному представителю краснокрестныхъ организацій.

Комиссія эта на состоявшихся засѣданіяхъ постановила, что въ первую очередь должны быть возвращены больные и увѣчные военноплѣнные. Здоровые же военноплѣнные могутъ быть помѣщаемы въ санитарные поѣзда лишь въ томъ случаѣ, если при отправкѣ первыхъ партій найдутся свободныя мѣста.

Что касается гражданскихъ плѣнныхъ, то признано, что возвращенію на родину должны подлежать всѣ гражданскіе плѣнные; преимуществомъ на отправку въ первую очередь будутъ пользоваться женщины, дѣти, старики и больные.

Скопленіе плѣнныхъ и бѣженцевъ.

Въ смоленскомъ уѣздѣ за послѣднее время скопилось очень много плѣнныхъ нѣмцевъ, австрійцевъ, а также бѣженцевъ, направляющихся на родину.

Такой наплывъ людей обостряетъ еще больше продовольственный вопросъ въ Смоленской губерніи.

Дальше плѣнныхъ и бѣженцевъ не отправляютъ, такъ какъ оршанскій совѣтъ рабочихъ депутатовъ запретилъ въѣздъ въ Оршу.

Возобновленіе дѣятельности земскаго городского союза на Кавказѣ.

Изъ Закавказья прибыли представители земскаго союза съ докладомъ о положеніи на мѣстахъ, а также для полученія директивъ дальнѣйшей дѣятельности общественныхъ организацій.

Съ отступленіемъ нашей арміи, громадное имущество организацій было частью разграблено, частью реквизировано. Особенно сильно пострадало прифронтовое имущество союза городовъ и частью земскаго союза.

Мѣстные крестьяне, въ виду роста эпидемій, настаиваютъ на томъ, чтобы общественныя организаціи продолжали свою дѣятельность, учреждая лѣчебницы по деревнямъ.

По обсужденіи вопроса съ представителемъ земскаго и городского со-

Дѣло Лейста и Грина.

На разсвѣтѣ 4 мая, начались пренія сторонъ въ трибуналѣ.

Н. В. Крыленко въ своей обвинительной рѣчи просилъ подвергнуть подсудимыхъ за мародерство и дискредитирующія совѣтскую власть дѣйствія высшей мѣрѣ наказанія.

Около 10 час. утра революціонный трибуналъ вынесъ слѣдующій приговоръ:

Подгайскій, Гугель, Лейстъ и Гринъ признаны виновными въ покушеніи на полученіе взятокъ.

Первые трое приговорены къ 6-мѣсячному тюремному заключенію, съ воспрещеніемъ занимать въ теченіе 5-ти лѣтъ общественныя должности.

Ходатай Гринъ приговоренъ къ 15 тыс. руб. штрафа и заключенію въ тюрьму на 6 мѣс. до внесенія штрафа и запрещенію въ теченіе 5-ти лѣтъ заниматься адвокатской практикой.

Гринъ внесъ 15 тыс. и былъ немедленно освобожденъ.

Продовольственный судъ.

Учрежденный недавно въ Москвѣ продовольственный судъ уже разсмотрѣлъ нѣсколько дѣлъ.

Рядъ владѣльцевъ крупныхъ торговыхъ предпріятій за нарушеніе обязательныхъ постановленій о торговлѣ продовольственными продуктами судомъ оштрафованы на значительныя суммы, а нѣкоторые подвергнуты тюремному заключенію.

Управа продовольственнаго комитета признала желательнымъ: 1) широкое освѣдомленіе населенія о дѣятельности суда, 2) гласность судопроизводства, 3) обязательный вызовъ къ разбору дѣла обвиняемаго и 4) изданіе инструкціи, регулирующей работу суда.

Новые подъѣздные пути.

Для ускоренія перевозки грузовъ по желѣзнодорожнымъ и воднымъ путямъ комиссаріатъ путей сообщенія постановилъ построить вспомогательные пути: въ Нижнемъ-Новгородѣ—къ Волгѣ и въ Москвѣ—отъ станціи Кожухово къ пристани на рѣкѣ Москвѣ.

Угрозы желѣзнымъ дорогамъ.

Совѣщаніе по топливу.—Воззваніе ком. Невскаго.

На совѣщаніи по вопросу о топливѣ для жел. дорогъ, состоявшемся при участіи представителей отдѣла высшаго народнаго хозяйства, комиссаріатовъ земледѣлія и продовольствія, выяснилось, что въ скоромъ времени, если не будутъ приняты рѣшительныя мѣры по доставкѣ и разработкѣ топлива, желѣзныя дороги встанутъ.

Въ первую очередь предполагается организовать на дорогахъ отдѣлы лѣсныхъ и торфяныхъ разработокъ, ходатайствовать передъ губернскими совѣтами о предоставленіи лѣсныхъ площадей и войти въ сношеніе съ мѣстными комитетами для совмѣстной работы по разработкѣ топлива.

Въ послѣднее время въ комиссаріатъ путей сообщенія поступаютъ свѣдѣнія о препятствіяхъ мѣстныхъ земельныхъ комитетовъ, чинимыхъ въ мѣстахъ заготовокъ дровяного топлива, предназначенныхъ для желѣзныхъ дорогъ.

Безчинства матросовъ.

Населеніе Рогожской заставы и прилегающихъ къ ней улицъ терроризовано матросами, живущими въ вагонахъ Москва II, Курской ж. д.—Пьянство и разгулъ матросовъ.—Убійство сестры милосердія.

Вчера въ Рогожскомъ районѣ распространились слухи о томъ, что на товарной станціи Москва II, Курской и Нижегородской ж. д., пьянымъ матросомъ была разстрѣляна сестра милосердія одного изъ санитарныхъ поѣздовъ, стоящихъ на дровяныхъ путяхъ.

Населеніе къ извѣстію объ убійствѣ отнеслось почти спокойно, такъ какъ, по словамъ жителей заставы, не проходитъ ни одной ночи, чтобы не было стрѣльбы и безобразія находящихся въ вагонахъ матросовъ.

— Пьяные они, — разсказывалъ солдатъ, служащій при товарной станціи,—дѣлаютъ Богъ знаетъ что. Выходятъ на улицу, ловятъ проходящихъ мимо дѣвушекъ, тащутъ съ собою въ вагоны, и тамъ расправляются съ ними, какъ имъ угодно. Такихъ случаевъ было много...

Эти характерныя показанія солдата, отчасти, вскрываютъ причину убійства 18-лѣтней сестры милосердія Валентины Стрѣльцовой.

Сестра милосердія была убита въ перевязочной комнатѣ матросомъ 1-го своднаго партизанскаго отряда матросовъ Красной Балтики Большаковымъ, въ то время, когда дѣлала послѣднему перевязку пальца. Большаковъ былъ пьянъ; имъ было произведено три выстрѣла, и всѣ три пули попали въ лицо сестры милосердія, при чемъ первой пулей въ лобъ она была убита наповалъ.

Однако, существуетъ нѣсколько версій этого убійства, и одно изъ нихъ—показаніе товарища Большакова по отряду, Ковальскаго—даетъ совершенно иную картину.

Самъ убійца нисколько не раскаивается въ своемъ поступкѣ, отвергаетъ злой умыселъ, ссылаясь на то, что онъ даже не былъ знакомъ со Стрѣльцовой, и все дѣло приписываетъ простой случайности.

Подруга же Стрѣльцовой Новикова заявила, что матросъ Большаковъ былъ пьянъ и все время кого-то искалъ и даже въ порывѣ раздраженія два раза выстрѣлилъ въ нее, но, къ счастью, оба раза промахнулся.

Товарищъ Большакова матросъ того же отряда Ковальскій разсказывалъ слѣдующее характерное обстоятельство, предшествовавшее убійству:

Около двухъ часовъ дня къ нему въ штабъ зашелъ Большаковъ, сильно пьяный и возбужденный. Побывъ нѣкоторое время въ вагонѣ штаба, онъ, уходя, сказалъ Ковальскому:

— Скучно мнѣ сегодня,—застрѣлю я кого-нибудь!

И съ этими словами ушелъ. А спустя два часа раздались одинъ за другимъ три выстрѣла.

Большинство матросовъ, выгораживая своего товарища, не считаютъ его поступокъ умышленнымъ и категорически завѣряютъ, что Большаковъ не былъ даже знакомъ со Стрѣльцовой.

Однако, всѣ эти утвержденія дѣла не мѣняютъ: по показаніямъ сестеръ того же отряда и нѣкоторыхъ

Искусства.

Театры на Пасхальной недѣлѣ.—Споръ о правѣ постановки „Царя Іудейскаго“.—Античная трагедія въ циркѣ.—Мейерхольдъ и „Незнакомка“ въ „Питтореска“.—Опера и концертъ на Пасхѣ.—Въ Большомъ театрѣ.—„Вѣнокъ искусствъ“.—„Московскій салонъ“.

Весенній сезонъ.

На второй день Пасхи открывается лѣтній сезонъ въ «Эрмитажѣ» и въ «Луна-паркѣ» (Зоологическій садъ).

Въ закрытомъ театрѣ въ «Эрмитажѣ» пойдетъ «Гусарская лихорадка», въ Зеркальномъ театрѣ—оперетта «Фатиница».

Въ составъ опереточной труппы въ „Эрмитажѣ“ вступилъ Н. Ѳ. Монаховъ.

Въ «Луна-паркѣ» выстроенъ новый театръ, гдѣ будетъ подвизаться опереточная труппа. Для открытія идетъ «Сибилла».

Въ театрѣ «Зонъ» утренники отданы концертамъ великорусскаго оркестра подъ управленіемъ В. В. Андреева. Вечеромъ гастроли: въ «Жизели» и «Тщетной предосторожности»—Т. П. Карсавиной, П. Н. Владимирова, въ «Танцѣ»—М. Н. Кузнецовой, въ «Донъ-Кихотѣ»—Е. А. Смирновой.

Въ Никитскомъ театрѣ пойдутъ «Гамлетъ» и «Донъ-Карлосъ» съ съ Н. П. Россовымъ, «Воскресеніе» съ Л. Б. Яворской. Состоятся концерты В. В. Максимова и хора Юхова.

Камерный театръ заканчиваетъ свои гастроли въ Новомъ театрѣ.

Захватъ „Царя Іудейскаго“.

Товарищество артистовъ театра Незлобина пріобрѣло у «Общества другъ инвалида», которое является наслѣдникомъ авторскихъ правъ К. Р., исключительное право постановки его пьесу «Царь Іудейскій». Спектакль долженъ состояться на Ѳоминой недѣлѣ. Работы надъ постановкой ведутся болѣе мѣсяца. Уже выпущена афиша. Но велико было удивленіе незлобинцевъ, когда они увидали афишу, гласящую, что «Царь Іудейскій» пойдетъ въ Никитскомъ театрѣ.

Оказалось, что организаторомъ этихъ спектаклей является нѣкій г. Рыковъ.

Антрепренерскій его «стажъ» таковъ: содержатель бань, онъ дѣлается хозяиномъ сада «Ренессансъ» на Щипкѣ. Послѣ ряда сезоновъ въ Москвѣ онъ переноситъ свою дѣятельность въ провинцію.

Представитель союза писателей заявилъ протестъ въ театральный комитетъ противъ незаконныхъ дѣйствій г. Рыкова, съ просьбой принять мѣры къ недопущенію спектакля, осуществляемаго захватнымъ путемъ.

„Эдипъ-царь“.

На второй день Пасхи въ циркѣ Саламонскаго днемъ, по общедоступнымъ цѣнамъ, будетъ поставлена трагедія Софокла „Царь Эдипъ“. Исполнителями являются братья Адельгеймъ. Это будетъ третья по счету постановка „Эдипа“ въ Москвѣ. Какъ извѣстно, „Эдипа“ игралъ пять лѣтъ назадъ Моисси и гастролировалъ въ этой роли провинціальный актеръ Шорштейнъ.

В. Э. Мейерхольдъ

„Евгеній Онѣгинъ“, „Демонъ“, „Черевички“, „Царская невѣста“, „Купецъ Калашниковъ“, „Борисъ Годуновъ“ и др. Изъ состава труппы можно отмѣтить г-жу Барунскую, переходящую съ будущаго сезона въ Новослободскій народный домъ, гг. Буассонада, Левина, Кочергина, Суходольскаго.

Лѣтомъ передвижная опера предполагаетъ продолжать свои спектакли, снимая для этого дачные театры. Режиссеромъ попрежнему остается А. Г. Борисенко.

Въ Большомъ театрѣ.

Такъ какъ комиссія личнаго состава оперы Большого театра вышла въ отставку in corpore, то многіе изъ побывавшихъ на пробѣ и обратившихъ на себя вниманіе своими голосами не знаютъ, куда имъ обратиться.

Временно предполагается всѣ дѣла по пріему въ труппу передать въ совѣтъ корпораціи, какъ первую инстанцію.

Концерты Э. Купера.

На Пасхальной недѣлѣ состоятся въ большомъ залѣ Благороднаго собранія три дневныхъ симфоническихъ концерта подъ управленіемъ Э. Купера, которые обѣщаютъ представить выдающійся интересъ какъ по программѣ, такъ и по составу исполнителей.

Первый концертъ, 23 апрѣля (въ понедѣльникъ), будетъ посвященъ творчеству Чайковскаго. Въ программѣ—патетическая симфонія и „Франческа-да-Римини“. Солистомъ выступитъ проф. М. Прессъ со скрипичнымъ концертомъ.

Второй концертъ, 25 апрѣля, посвящается Скрябину. Изъ сочиненій послѣдняго будутъ сыграны вторая симфонія «Поэма Экстаза» и фортепіанный концертъ (проф. П. А. Орловъ).

Послѣдній концертъ посвящается Рихарду Вагнеру. Въ программѣ—увертюра «Фаустъ», увертюра «Тангейзеръ», «Wotans Abschied und Feuerzauber» изъ музыкальной драмы «Валькирія» (солистъ—Пироговъ) и «Liebestod» изъ «Тристана и Изольды» (солистка—Н. Кошицъ).

Симфоническій концертъ.

Въ понедѣльникъ на Пасхѣ въ 1 ч. дня, въ помѣщеніи театра с. р. д. (опера Зимина) состоится третій симфоническій концертъ подъ управленіемъ С. Плотникова, въ которомъ будетъ исполнена патетическая симфонія Чайковскаго. Среди солистовъ—г-жа Н. П. Кошицъ.

Концертъ тріо Любошицъ.

Извѣстное въ Москвѣ тріо Любошицъ даетъ въ четвергъ на Пасхальной недѣлѣ, вечеромъ, концертъ, въ которомъ будутъ исполнены

„Домъ свободнаго искусства“.

Въ Бѣломъ залѣ «Эрмитажа» на Пасхальной недѣлѣ состоится рядъ музыкальныхъ и литературныхъ вечеровъ. Въ музыкальной части программы намѣчены выступленія: Б. І. Сибора, Гордова, Н. А. Орлова, Гр. Крейна, А. Р. Бакалейникова и др.; предположены вечера: Полины Доберть и Анны Эль-Туръ. Литературная программа составлена изъ лекцій: Вячеслава Иванова—„О всенародномъ искусствѣ“, Георгія Чулкова—„О Пушкинѣ и Великой Россіи“, К. Д. Бальмонта—„Корень солнца“, лекціи Валерія Брюсова и вечера сказокъ Алексѣя Толстого. Въ лѣтнемъ помѣщеніи «Эрмитажа» состоится вечеръ посвященный испанскому искусству, при участіи К. Д. Бальмонта.

Выставка „7“.

Подъ такимъ названіемъ вотъ уже три года, какъ выступаетъ группа художниковъ, устраивавшихъ раньше свои выставки картинъ въ студіи д. Перцова.

Выставка „7“ откроется 24 апрѣля въ помѣщеніи гимназіи Житцъ, на Арбатѣ.

На выставкѣ будетъ представленъ, помимо ряда работъ художниковъ этой группы, еще рядъ персидскихъ миніатюръ.

„Московскій салонъ“.

На годичномъ собраніи членовъ общества художниковъ «Московскій салонъ» произведены выборы правленія. Въ правленіе вошли: предсѣдателемъ—М. А. Добровъ, казначеемъ—Николай Григорьевъ, секретаремъ—Н. Чернышевъ. Членами правленія: Олейникъ, Сергѣй Герасимовъ, Франкетти и Кичагинъ.

Въ ближайшіе дни обществомъ организуется студія для совмѣстныхъ работъ, товарищескихъ бесѣдъ, лекцій и литературно-музыкальныхъ вечеринокъ.

Аукціоны картинъ.

На Пасхальной недѣлѣ состоятся три аукціона картинъ и предметовъ прикладного искусства, организованныхъ о-вомъ любителей художествъ, о-вомъ гражданской культуры и бюро биржи трудовой интеллигенціи.

Въ пятницу, 10-го мая, въ газетѣ будутъ помѣщены отзывы о новыхъ книгахъ.

ТЕАТРЫ И ЗРѢЛИЩА.

6 мая (23 апрѣля).

БОЛЬШОЙ. „Русланъ и Людмила“. Нач. въ 7 ч. в.

МАЛЫЙ. „Ночной туманъ“ (Ленковская и Южинъ). Нач. въ 7 ч. в.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ. Утр.—„Синяя птица“. Нач. въ 12 ч. д. Веч.—„Вишневый садъ“. Нач. въ 7 ч. в.

2-я СТУДІЯ ХУДОЖ. Т. Веч.—„[illegible] студія“. Нач. въ 7 ч. веч.

СОВѢТА РАБОЧ. ДЕПУТ. Утр.—3-й симфон. концертъ подъ упр. [illegible] Плотникова. Нач. въ 1 ч. д. Веч.—„Евгеній Онѣгинъ“ (внѣ абон.) Нач. въ 6½ ч. веч.

НОВОСЛОБОДСКІЙ НАРОДНЫЙ ДОМЪ. Утр.—„Риголетто“. Нач. 12½ ч. дня. Веч.—„Кармень“. Нач. 7½ ч. в.

И. ГРИНЕВСКАГО. Днемъ—„[illegible]“ [illegible] Нач. въ 3 ч. дня. Веч.—„Рай“ [illegible] И. Гриневскій. Нач. въ 6, 7 ч. [illegible] 8½ и 9 ч. 40 м. веч.

Театръ НАРОДА. Утр. [illegible] Нач. въ 12 ч. д. Веч.—[illegible] Дивертисментъ: [illegible] Нач. въ 9½ ч. веч.

ЦИРКА САЛАМОНСКАГО. Днемъ—„Царь Эдипъ“, траг. Софокла, съ уч. [illegible] Адельгеймъ. Нач. въ 2 ч. д.

ЦИРКЪ САЛАМОНСКАГО. [illegible] Аттракціоны, нов. [illegible] Нач. въ 7 ч. веч.

ЦИРКЪ НИКИТИНЫХЪ. 2 предст. [illegible] спеціально для дѣтей. Нач. въ 1 ч. д. [illegible] „Королева электричества Марія Вольтъ“. Нач. въ 7 ч. в.

[illegible] Красный залъ [illegible] Нач. въ 5½ ч. в.

ХАНЖОНКОВЪ. „[illegible] бульваръ“ [illegible]

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ кинемо-театръ. [illegible] Нач. въ 5½ ч. в.

ФОРУМЪ. [illegible] „Страна боговъ“ [illegible] Театръ откр. съ 4½ ч. д.

КОЛИЗЕЙ. „Кровавая загадка“ [illegible] „Подъ дождемъ“ [illegible] Театръ откр. съ 4 ч. д.

АРСЪ. „Ночевала тучка золотая“ [illegible] „Страна боговъ“ [illegible] Нач. въ 5½ ч. в.

Д-ръ Н. Вайнштейнъ. [illegible] СИФ. [illegible] ЖЕНСК. БОЛ. [illegible] Тверская, 64, кв. 5. Тел. 1-80-47.

Д-ръ С. ПРИСМАНЪ [illegible] Пр.: 9—12, 4—7. Тверская, д. 20, кв. 8 [illegible]

Д-ръ М. Б. ШМУЛЕВИЧЪ [illegible] 1-я Тверск.-Ямская, д. 18, кв. 3 [illegible]

Д-ръ СЕРМАНЪ [illegible] Тверская, 24 [illegible]

Д-ръ ВОЛОДАРСКІЙ [illegible] СИФИЛИСЪ [illegible] ТРИППЕРЪ [illegible] ПОКРОВКА [illegible]

БОЛѢЗНИ УХА, НОСА, ГОРЛА. **Д-ръ ГЕЦЕЛЬДЪ** [illegible] Арбатъ [illegible] Телеф. 5-26-72.

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ М. КАЛИКЪ

...дожили свою дѣятельность, учреждая лѣчебницы по деревнямъ.

По обсужденіи вопроса съ предсѣдателемъ земскаго и городского совѣтовъ В. М. Свердловымъ рѣшено немедленно приступить къ работѣ по борьбѣ съ эпидеміями на Кавказѣ, а также мобилизовать всѣ силы по оказанію помощи военноплѣннымъ, которыхъ предполагается направлять на черноморское побережье, въ Абастуманъ, Боржомъ и др. мѣста, гдѣ для нихъ будутъ устроены санаторіи.

„День просвѣщенія".

Центральнымъ совѣтомъ культурно-просвѣтительныхъ желѣзнодорожныхъ организацій 7 мая устраивается «День просвѣщенія».

Въ этотъ день предполагается по всей сѣти желѣзныхъ дорогъ устроить для желѣзнодорожниковъ концерты, спектакли, лекціи, митинги и т. п.

Устраивается также кружечный сборъ, и проектируется отчисленіе части заработка желѣзнодорожниковъ на культурно-просвѣтительныя нужды желѣзныхъ дорогъ.

Лекція А. А. Боровoго.

7 мая въ 2 ч. дня, въ Колонномъ залѣ бывшаго Благороднаго собранія лекція Алексѣя Боровoго на тему: „Что такое анархизмъ". Билеты: Моховая, Студенч. палат., ред. газеты „Жизнь" (В. Дмитровка, 26) и при входѣ въ залъ.

Общества взаимнаго кредита.

Представителями обществъ взаимнаго кредита подано предсѣдателю совѣта народныхъ комиссаровъ и комиссару по финансовымъ дѣламъ записка по вопросу объ участіи банковъ въ товарообмѣнѣ и въ продовольственной операціи.

Въ своей запискѣ представители обществъ взаимнаго кредита указываютъ, что о-ва не преслѣдуютъ никакихъ коммерческихъ выгодъ. Организованы они по типу кооперативовъ и объединяютъ 587 тысячъ членовъ, съ основнымъ капиталомъ въ 116 милліоновъ рублей.

Членами общества взаимнаго кредита,—говорится въ запискѣ,—состоитъ преимущественно среднее и мелкое городское населеніе и крестьяне. Переживаемое нынѣ глубокое разстройство товарообмѣна, кредита, расчетныхъ отношеній и денежнаго обращенія могло бы быть,—указывается далѣе въ запискѣ,—въ значительной степени смягчено привлеченіемъ къ работѣ русской кооперацiи и, въ томъ числѣ, обществъ взаимнаго кредита.

...комитетовъ, чинимыхъ въ мѣстахъ заготовокъ дровяного топлива, предназначенныхъ для желѣзныхъ дорогъ.

По этому вопросу народный комиссаръ путей сообщенія Невскій обратился къ земельнымъ комитетамъ съ воззваніемъ, въ которомъ предлагаетъ всѣмъ мѣстнымъ властямъ оказывать содѣйствіе при добываніи топлива для жел. дорогъ, иначе дальнѣйшія препятствія неизбѣжно повлекутъ за собой полное замираніе страны, ибо доставка твердаго минеральнаго топлива изъ донецкаго басейна совсѣмъ прекратилась.

Попытка разоруженія сербскаго отряда.

Прибытіе отряда.—Приказъ Троцкаго.—Неудачная попытка.

Нѣсколько дней назадъ въ московскихъ военныхъ кругахъ было получено извѣщеніе о томъ, что на запасныхъ путяхъ Николаевской желѣзной дороги, около одной изъ подмосковныхъ станцій, остановился сербскій вооруженный отрядъ, численностью въ 125 человѣкъ, пріѣхавшій съ румынскаго фронта.

Въ виду того, что сербы не освобождали занимаемыхъ ими вагоновъ, начальникъ станціи обратился къ Троцкому съ просьбой выселить сербовъ изъ вагоновъ, такъ какъ послѣдніе были необходимы для желѣзнодорожнаго движенія.

Троцкій передалъ это заявленіе Муралову и потребовалъ немедленно приступить къ выселенію сербовъ.

Мураловъ же отдалъ распоряженіе не только ихъ выселить, но и разоружить.

Вчера, по распоряженію Муралова, отрядъ красноармейцевъ приступилъ къ разоруженію отряда. Станція была обложена революціонными солдатами, вступившими въ переговоры съ сербами, на что послѣдніе заявили, что отдадутъ оружіе, когда это будетъ нужно, но только не сейчасъ.

Красноармейцы, поговоривъ съ сербами, которые доказывали имъ, что необходимости разоружать ихъ нѣтъ никакой, и что они этого не позволятъ, ушли, не исполнивъ приказанія Муралова...

Что дальше выйдетъ изъ этой исторіи,—пока еще неизвѣстно, но въ военныхъ кругахъ чувствуется нѣкоторое недовольство неисполненіемъ очередного „боевого" приказа.

...не мѣняютъ: по показаніямъ сестеръ того же отряда и нѣкоторыхъ солдатъ, которымъ приходилось сталкиваться съ подгулявшими матросами и въ томъ числѣ съ убійцей, утверждаютъ, что Большаковъ былъ знакомъ со Стрѣльцовой, ухаживалъ за ней,—но все безуспѣшно. Послѣднее обстоятельство и заставило Большакова прибѣгнуть къ убійству Стрѣльцовой.

Матросъ Большаковъ арестованъ.

«Золотое дно».

Запасы хлѣба и продовольствія въ Сибири.—Мѣры къ вывозу.

2-го мая, въ засѣданіи управы моск. гор. прод. ком. былъ заслушанъ докладъ только-что вернувшагося изъ командировки въ Сибирь члена управы Г. А. Усіевича.

Докладчикъ сообщилъ, что хлѣба въ Западной Сибири имѣется громадное количество. Въ Кокчетовскомъ уѣзду, Акмолинской области, гдѣ собранъ урожай за 4—5 лѣтъ, хлѣба находится 4—5 милліоновъ пудовъ, при чемъ уже обмолоченнаго имѣется 2 милліона.

Вывозъ хлѣба значительно затрудняется отсутствіемъ удобныхъ путей сообщенія: крестьянамъ приходится везти хлѣбъ за 200 и болѣе верстъ.

Въ настоящее время въ Западной Сибири совѣтомъ заготовлено 11 милліоновъ пудовъ хлѣба и предполагается еще заготовить 10—12 милл. пудовъ.

Дѣло мясныхъ заготовокъ взяла въ свои руки монгольская экспедиція, которая предполагаетъ въ текущемъ году заготовить около 3-хъ милл. пудовъ мяса.

крупныхъ консервныхъ заводахъ это мясо будетъ перерабатываться въ консервы.

Недавно установлены твердыя цѣны на сыръ, такъ какъ заводы, желая обойти твердыя цѣны на масло, молоко перерабатывали въ сыръ.

Дичи и телятины въ Сибири очень много; нѣсколько острѣе стоитъ вопросъ съ заготовкой яицъ.

Для товарообмѣна въ Сибири сосредоточено громадное количество товара. Товарообмѣнъ ведется не съ отдѣльными лицами, а съ обществами и кооперативами.

По мнѣнію докладчика, для успѣшной заготовки въ Сибири продовольствія необходимо увеличить количество ссыпныхъ пунктовъ, организовать перевалочные пункты на водныхъ путяхъ и ускорить постройку продовольственныхъ желѣзныхъ дорогъ.

В. Э. Мейерхольдъ.

Въ Москву пріѣхалъ В. Э. Мейерхольдъ. Какъ извѣстно, организаторы спектаклей въ „Питторескѣ" обѣщали „Незнакомку" Блока въ постановкѣ Мейерхольда. Но пріѣздъ Мейерхольда далъ поводъ арендаторамъ эстрады въ кафе расторгнуть договоръ съ организаторами спектаклей.

Предстоитъ рѣшить интересный вопросъ: обязательно ли личное участіе режиссера въ постановкѣ, или онъ можетъ ограничиться письменными указаніями и разработкой плана работъ, какъ это сдѣлалъ Мейерхольдъ.

Опера въ Никитскомъ театрѣ.

На Пасхальной недѣлѣ, въ четвергъ, пятницу и субботу, въ Никитскомъ театрѣ состоятся три оперныхъ спектакля, при участіи полнаго ансамбля артистовъ московскихъ народныхъ домовъ. Пойдутъ три оперы: «Карменъ», «Жидовка» и «Лакмэ». Режиссерская часть и постановка въ рукахъ г. Попова. Оркестромъ дирижируетъ М. Букша.

Въ Народной оперѣ.

Репертуарная комиссія «Народной оперы» (бывш. театра сов. раб. деп.) рѣшила на будущій сезонъ обновить репертуаръ включеніемъ ряда фундаментальныхъ русскихъ оперъ; въ томъ числѣ предположены: «Рогнѣда», «Садко», «Борисъ», «Хованщина», «Русланъ». Изъ иностранныхъ оперъ пока рѣшено ставить четыре: «Тристана и Изольду» Вагнера, его же «Лоэнгрина», «Фауста» Гуно и «Карменъ» Бизе. Есть вѣроятность, что остановятся также на постановкѣ «Пелеаса и Мелизанды» Дебюсси и «Саломеи» Р. Штрауса.

— Народная передвижная опера, организованная секціей содѣйствія фабричнымъ и заводскимъ театрамъ, въ настоящее время широко развила свою дѣятельность. Передвижная опера уже имѣетъ большой репертуаръ, въ который входятъ болѣе 20-ти оперъ, хорошо сыгравшуюся труппу, а главное—свою многочисленную публику. Отсутствіе своего постояннаго помѣщенія заставляетъ передвижную оперу скитаться по районамъ, по подмосковнымъ фабрикамъ и заводамъ и т. д. Спектакли передвижной оперы ставились на Мытищенскомъ заводѣ, въ Введенскомъ, Марьино-Рощинскомъ народныхъ домахъ, въ Работномъ домѣ, и т. д. Изъ оперъ наибольшимъ вниманіемъ пользуются:

...торомъ будутъ исполнены два трио: Чайковскаго («памяти великаго артиста») и С. Рахманинова («элегическое», посвященное памяти Чайковскаго).

Дѣтское утро въ пользу голодающихъ дѣтей.

Друзья дѣтей работаютъ сейчасъ изо всѣхъ силъ для того, чтобы спасти отъ окончательнаго истощенія и голодной смерти тысячи гибнущихъ дѣтей. Редакція дѣтскаго журнала „Маякъ" устраиваетъ въ аудиторіи Политехническаго музея, во 4-й день Пасхи (въ среду), въ часъ дня, чрезвычайно интересное дѣтское утро въ пользу голодающихъ дѣтей. Программа утра составлена очень разнообразно и, несомнѣнно, дастъ много хорошихъ, свѣтлыхъ переживаній дѣтямъ. Читаютъ и разсказываютъ О. Э. Озаровская, И. М. Москвинъ, Н. И. Горбуновъ. Редакторъ „Маяка" Ив. Ив. Горбуновъ-Посадовъ побесѣдуетъ съ дѣтьми на темы „Дѣдушка Толстой и дѣти" и „Радость и трудъ". Г-жа Анна Эль-Туръ и другія пѣвицы, а также дѣтскій хоръ училища Гнѣсиныхъ исполнятъ дѣтскія пѣсни А. Т. Гречанинова и А. К. Чертковой; оркестръ молодежи музыкальныхъ курсовъ Е. Ф. Кнорре—рядъ пьесъ Гайдна, Мендельсона и др. Надѣемся, что это симпатичное утро привлечетъ сотни юной публики, которая поддержитъ фондъ въ пользу своихъ голодающихъ сверстниковъ.—Билеты: въ книжныхъ магазинахъ „Посредника", Н. П. Карбасникова, въ Политехническомъ музеѣ.

„Вѣнокъ искусствъ".

На второй день Пасхи въ кафе „Савой" открывается новый литературно-художественный уголокъ—„Вѣнокъ искусствъ", объединяющій поэтовъ, литераторовъ и артистовъ.

Въ день открытія въ „Вѣнкѣ искусствъ" состоятся выступленія поэтовъ: Андрея Бѣлаго, Любови Столицы, Осипа Мандельштама, Семена Рубановича, артистки государственныхъ театровъ г-жи Балановской, балерины М. Л. Юрьевой и другихъ. На Пасхальной недѣлѣ выступятъ Валерій Брюсовъ, Сергѣй Ауслендеръ, Л. Никулинъ, К. Липскеровъ, Ю. Бочаровъ, Н. Павловичъ, Д. Соболевъ, артисты государственныхъ театровъ г-жа Адамовичъ, Свобода, Щербининъ, Липецкій, артисты Камернаго театра г-жа Коонен, г. Церетелли, артистка студіи Художественнаго театра г-жа Сухачева и другіе.

ЗАЛЪ КОНСЕРВАТОРІИ. Сегодня—8-й кон... Н. А. Орлова. Нач. въ 2 ч. дня. Завтра—4-й вечеръ пѣсни [illegible]. Въ прогр. ф.-линск. старин. пѣсни Э. Григъ. Нач. въ 8 ч. в.

КОРША. Утр.—„Лѣсъ". Нач. въ 12½ ч. д. Веч.—„Два подростка". Нач. въ 7 ч. в.

НЕЗЛОБИНА. Утр.—„Романъ". Нач. въ 12 ч. д. Веч.—„Вобла". Нач. въ 7 ч. веч.

НИКИТСКІЙ. Утро духовн. стиховъ и пѣснопѣн. въ исполн. арт. Госуд. т. В. В. Максимова и исп. хора Н. Н. Юхова. Нач. въ 1 ч. дня. Веч.—спект. союза арт. части балета, выступл. студіи Л. Нелидовой: „Прилетъ лебедей", нов. бал. „Заира". Грандіозн. дивертисментъ. Нач. въ 7½ ч. веч.

ЗОНЪ. Гастроли спект. балета петроградскаго Госуд. т. при уч. Карсавиной, Жукова и др. Нач. въ 7½ ч. веч. „Жизель" и дивертисментъ.

„ЭРМИТАЖЪ" (Каретн. рядъ). Открытіе Зеркальный театръ: „Фатиница", ком. опера. Уч.: [illegible], Тем. Грузинская, Днѣпровъ, [illegible] и др. Комедія: „Гусарская лихорадка". Уч.: [illegible], [illegible], Муратовъ и др. Открыт. т.: Павелъ Троицкій, Бернардовъ и др. Въ саду: гулянье, концерты, кафе, игры. Нач. въ 6 ч. веч.

„ЛЕТУЧАЯ МЫШЬ". „Свадьба при фонаряхъ", „На Покровкѣ, въ Трубниковскомъ", „Что видѣли дріады Булонскаго лѣса" и др. Нач. въ 7 ч. в.

В. Ф. КОММИССАРЖЕВСКОЙ. „Ванька Ключникъ и пажъ Жеанъ". Нач. въ 7 ч. веч.

НОВЫЙ. Гастроли Камернаго т. „Покрывало Пьеретты". Нач. въ ч. в.

У ЛУКОМОРЬЯ. Утр.—„Шерлокъ Холмсъ". Нач. 1 ч. Веч.—„Чародѣйка".

Казино РОМА. 1-я серія „Рокамболь", [illegible]. Въ фойе дивертисментъ.

„ТРИЛИСТНИКЪ" (кафе „Элитъ"). Петр. линія. Съѣздъ съ 8 ч. веч. Выст. Чириковъ, Вл. Ходасевичъ, Вѣра Инберъ, И. А. Добровейнъ (рояль) и другіе.

МОСКОВСКІЙ ЛУНА-ПАРКЪ. Открытіе сезона.

НИКОЛЬСКІЙ ТЕАТРЪ. Съ уч. Анчаровой, Чипирова фарсы: „Вечеръ адресъ", „Ее надо показать доктору", „Сердце на ватѣ" и др. Нач. 7¼ ч. веч.

ЮЖНАГО. „Говорятъ... Говорятъ" Я. Южный, „Маріонетки". Русск. пѣсни—А. В. Кольчевская „Она и онъ", „Старики". Частушки—А. Кольчевская и Я. Южный. „Черная Дама". Нач. въ 8 ч. в.

...(Прот. церк. Благовѣщенія).

Д-РЪ ИЦѢХОВСКІЙ
предл. усл. Арбатъ, 31, кв. 9. Пріемъ 10—1 и 4—7 ч. ... Спеціальн. болѣзни. ... Для дамъ отдѣльная пріемная.

АКУШЕРКА ЗАХАРОВА
предл. усл., даетъ совѣты ... во всякое время ... Телеф. 4-55-76 Тверской ... пер., д. 12 кв. 4.

РОДИЛЬНЫЙ ПРІЮТЪ
акушерки Е. В. САРАДЖЕВОЙ
Предл. усл., совѣты и помощь ... Тел. 5-69-47. ... д. 50, кв. 28.

ТРУДОВОЙ АРТЕЛИ РОССІЙСКОМУ ... ПРОМЫШЛЕННОМУ И ТРАНСПОРТНОМУ ...
нужны члены на мѣста ... отъ 50 до 1000 р. ... Москва ...

ЦЕНТРАЛЬНОЕ
ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО АРТЕЛИ ...
... отъ 2-хъ до 75 тысячъ руб. ... отъ 185 до 3,000 руб. ... Садовая-Сухаревская, д. 2, ... отъ 10 до 3 ч. дня.

ДЛЯ ПРОДАЖИ
КНИГЪ
съ разсрочкой платежа ... поручительства) ... агенты. Каталогъ ... высылается бесплатно. ... издательство ...

ОПЫТНЫЙ ВРАЧЪ СПЕЦІАЛИСТЪ
предл. усл. Радикально лѣчитъ ОСТРЫЙ и ХРОНИЧЕСКІЙ ТРИППЕРЪ ... въ теченіе 3—4 недѣль новоизобрѣтеннымъ препаратомъ ... профес. Э. Вагнера. Пріемъ больныхъ ежедневно ... (трамв. №№ 5, Б.), во дворѣ, первый лѣвый подъѣздъ ... Иногороднихъ больныхъ прошу на отвѣтъ прилагать марки ...

Приглашаются продавцы и продавщицы
для газеты
„ЖИЗНЬ"
Обращаться къ завѣдывающему артелью А. Л. Трауману ... отъ 10 до 2 ч. дня, по адресу: Воздвиженка, ... скій пер., № 4, при конторѣ типографіи.

Издательство „ЖИЗНЬ".

Типографія „Печатное Слово", Мясницкая ул., д. 20.

Редакторы: [illegible]